

Вячеслав Жуков

**Маэстро,
ваш выход!**

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

Маэстро, ваш выход!

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2816975
Маэстро, ваш выход!: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-14539-7

Аннотация

Легенда московского угро майор Туманов поджидает в засаде вора в законе Зибора, чтобы застрелить его по приказанию другого пахана – Гвоздя. Нет, это не сон. Майор внедрился в банду Гвоздя, чтобы провести многоходовую оперативную операцию. На кону стоят три миллиона долларов, изъятых бандитами у бизнесмена Розовского, да и у самого Туманова есть кое-какие личные счета и к Зибору, и к Гвоздю. Риск, конечно, огромный, ведь при неудачном раскладе майор пойдет под суд, а кроме того, весь воровской мир начнет на него охоту. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Владимирович Жуков

Маэстро, ваш выход

Глава 1

В это утро Инна заметила, что ее муж Леонид Степанович Розовский почему-то не торопится на работу. В какой-то степени это даже рассердило Инну. Обычно ее Леня вставал ровно в семь, умывался, завтракал, а в половине девятого уже за ним приезжал водитель на джипе. О том, что карета подана, водитель извещал троекратным сигналом. И так повторялось изо дня в день. Услышав этот сигнал, Леонид Степанович выглядывал в окно, чтобы водитель махнул рукой. Потом заходил в спальню, где его красавица жена еще нежилась в постели, целовал ее в губы и после этого выходил из дома.

Инна навсегда запомнила запах овсянки, которой пахло изо рта ее муженька. К сожалению, в свои пятьдесят пять, кроме огромного многомиллионного состояния, Леонид Степанович приобрел букет болезней, из-за которого ему теперь приходилось себя ограничивать не только в еде и выпивке, но и в сексуальных утехах с любимой женой. Наверное, так бывает у всех деловых и занятых людей, которые стремятся заработать побольше денег. Так думала Инна, обласкивая своего денежного муженька, чувствуя при этом, что с тех пор, как она вышла за него замуж, стала превращаться в некий предмет роскоши. Ее Леня любит все роскошное. Роскошный дом. В нем роскошная обстановка, и роскошная красавица жена, которой можно похвалиться перед коллегами по бизнесу. Не у каждого есть такая. А у Лени Розовского есть. На нее можно посмотреть, как на некий необходимый атрибут жизни миллионера. И позавидовать, Розовскому. Не каждому, даже самому богатому бизнесмену, может достаться такое творение божественной красоты. А этот шедевр, творец и вовсе создал в единичном экземпляре для искушения мужчин. Сама же Инна страстно желала, чтобы все они припали к ее ногам. Желала, чтобы у нее было несметное количество любовников. А что еще может желать молодая, во всем обеспеченная, незнающая отказа женщина? Секса. Именно его ей не хватало с милым Ленечкой Розовским.

Похоже, Леонид Степанович старался не задумываться о том, что его красотка может занять любовника. Не подозревал. А Инна взяла да и заимела. И три дня в неделю: понедельник, среду и пятницу, молодой дон Жуан навещал ее по утрам, после того, как Розовский садился в свой джип и уезжал на работу.

Сегодня была пятница.

Инна посмотрела на часы. Время было уже двадцать пять минут девятого, а ее толстобрюхий боровок еще расхаживал по дому без галстука и пиджака, и лицо такое, словно он чем-то сильно озабочен.

Инна постаралась сделать вид, что это ее несколько не беспокоит, хотя на самом деле страшно злилась на мужа. Но еще больше злилась на педанта водителя, выдрессированного подавать авто к подъезду шефа минута в минуту. Сейчас ей хотелось, чтобы Ленечка побыстрее уехал. Через десять минут ей по сотовому должен позвонить любовник, а муж, кажется, и не думает уезжать. И она не вытерпела. Выскользнув из-под одеяла, села, на кровати по-турецки скрестив ноги и спрятав злость за улыбкой, спросила:

– Милый, ты разве сегодня не едешь на свою работу?

Леонид Степанович словно ждал ее пробуждения. Услышав ее нежный голос, он тут же вошел в спальню, посмотрел на красавицу жену.

Встретившись с ним взглядом, Инна невольно поежилась, такая в глазах мужа была тоска. И ее пушистые ресницы дрогнули. А с губ невольно сорвался вопрос.

– Леня, с тобой все в порядке? – спросила она.

Розовский присел рядом, взял Инну за руку. Улыбнулся, но улыбка получилась невеселой.

– Все нормально, – сказал он и отвел свой взгляд, чтобы жена не распознала вранье. Но Инна проявила настойчивость. Коснувшись ладошкой его гладко выбритого подбородка, заставила мужа поднять голову. Тем более за те три года их совместной жизни у него, было, достаточно времени рассмотреть прелести ее роскошного тела. Внимательно посмотрев ему в глаза, Инна настойчиво спросила:

– Точно, у тебя все нормально? Не обманываешь?

– Точно, – отмахнулся Розовский и, не желая продолжения этого неприятного для него разговора, поднялся с кровати и подошел к окну. Едва он откинул штору, как к воротам коттеджа подкатил джип. Водитель посигналил.

Все еще сидя на кровати, Инна вытянула шею, увидела, как педант водитель заметив, что Розовский наблюдает из окна, махнул ему рукой, чтобы шеф выходил. Перевела взгляд на мужа.

– Ну что ж, мне пора, – несколько задумчиво произнес Розовский со вздохом и быстро вышел из комнаты.

Инна хмыкнула. Неужели он так и уйдет? А где традиционный поцелуй перед уходом? И вообще, странный он сегодня какой-то.

Кажется, Ленечка услышал ее мысли. Опять вошел в комнату. На этот раз он уже был при галстуке и в пиджаке. Подойдя к Инне, наклонился, слегка обняв ее, но поцеловал не в губы, как обычно, а в щеку. Хотя для самой Инны, это было не так важно. Единственное, чего не было на этот раз, это его улыбки. Он стоял возле нее, рассматривая ее лицо, волосы, обнаженную грудь. Стоял и не уходил. И водитель, видно заждавшись своего шефа, посигналил опять.

Словно ему в ответ, Розовский кивнул. Хотя кивок этот видела только Инна. А он кивнул и сказал:

– Ну все. Надо идти. Мне пора.

При этом он опять наклонился над красавицей супругой и опять поцеловал ее. Только на этот раз в голову.

– Иди же. Тебя ждут, – тихо проговорила Инна, наградив мужа очаровательной улыбкой и легонько помахав рукой. – Пока, милый. До вечера.

– Да. Я уже иду, – сказал он и вышел из комнаты.

Инна слышала его торопливые шаги. Слышала, как захлопнулась входная дверь. Подтянувшись к подоконнику, Инна выглянула в окно.

Вот Ленечка Розовский торопливо сошел с крыльца. По дорожке, вымощенной мраморной плиткой, он направился к поджидавшему его джипу, но как только правая передняя дверь в машине открылась, Ленечка вдруг резко остановился.

Наблюдая за ним из окна, Инна еще не поняла причину его резкой остановки. Только увидела, как муж повернулся, словно хотел вернуться. Но вернуться он не успел. Из открытой двери джипа высунулась рука с короткоствольным автоматом, и тут же раздались выстрелы. Инна увидела, как пули, одна за другой, остервенело, вонзались в тело ее мужа, испарывая пиджак. И все это произошло так быстро, что Инна не успела закричать.

Сколько раз нечто похожее видела в боевиках. Но там это все было всего лишь игрой актеров. В жизни это намного драматичней. Широко раскрытыми глазами она смотрела на лужу крови, в которой лежало неподвижное тело ее мужа Леонида Розовского. И когда поняла, что он мертв, вскрикнула.

Словно испугавшись ее крика джип сорвался с места и на бешеной скорости понесся по дороге. А Инна судорожно схватила трубку сотового, стараясь попасть дрожащим пальцем в кнопки с цифрами.

Выбираясь с заднего сиденья старенькой «Волги», и покосившись на труп мужчины прикрытый простыней, капитан Грек с недовольством проворчал:

– Тоже мне прыщ на гладкой жопе.

– Ты чего, Сан Саныч? – не понял лейтенант Ваняшин. Грек на это разочарованно махнул рукой.

– Да я, Леша, про то. До чего мы докатились, – продолжил Грек свое недовольство. – Нам убиенных стали со всего города подбрасывать. У них что, в территориальном отделе оперов своих нету? Нас грузят.

– А чего ты хочешь? Группа, руководимая майором Тумановым, считается лучшей в управлении. То есть мы с тобой. А потом, говорят, что убитый был очень важной персоной. Вот нам доверие и оказали. Так что не вешай нос, Сан Саныч, и вперед, – бодро проговорил Ваняшин и вылез из машины.

Глядя на Ваняшина, Грек вздохнул и покачал головой. Вот попался напарничек. Где еще такого дурака найдешь, чтоб вкалывал днями и ночами. Лично его, Сан Саныча Грека, это все уже достало.

– Значит так, – сказал Федор Туманов, когда Грек с Ваняшиным подошли, – я иду разговаривать со вдовой, а вы тут поработайте с толпой. Может, кто чего видел. Походите по соседним коттеджам.

– Это вон та, что ли вдова? – кивнул Грек на молодую красотку с зареванным лицом. Оценив ее внешние достоинства, усатый капитан не упустил заметить, что такая вдовушка долго по убиенному горевать не будет. Найдется утешитель, с которым она скоро забудет о супружеской утрате.

– Может, даже будет рада, что так рано овдовела, – заключил Грек и тут же добавил: – Слышь, Николаич, а давай, я с этой вдовушкой побеседую?

Федор посмотрел на него и отрицательно покачал головой.

– Нет, Грек. У тебя сегодня настроение плохое. Нельзя тебе. Я уж сам как-нибудь, – сказал Туманов и подошел к Инне. Грек проводил его сердитым взглядом. С минуту стоял молча, а потом, толкнув в бок приятеля Леху, сказал, не скрывая зависти:

– Видал, каков наш майор молодец, – кивнул он на Федора Туманова, заметив, что тот с распрекрасной вдовушкой направился в дом.

– Ладно тебе ворчать, Сан Саныч. Пошли лучше работать. Сначала давай, побеседуем с теми ротозеями, кто здесь, – взглядом указал лейтенант на небольшую толпу, которую близко к трупу не подпускал местный участковый. – А потом пойдем уж по домам. Как ты говоришь, нам чего сейчас нужно?

– Опросить, как можно больше народу, чтобы потом проанализировать их показания, – сказал Грек. Ваняшин удовлетворенно кивнул.

– Правильно, Сан Саныч. Так что, как говорит наш майор, вперед и с песней.

При упоминание о майоре Туманове, Грек тихонечко вздохнул, представляя, какое моральное удовлетворение испытывает сейчас их майор от общения с хорошенькой женщиной. А он, Грек, должен таскаться по ступенькам, стучаться в двери и задавать людям нудные вопросы по поводу случившегося преступления. А не лучше ли наоборот, чтобы он Грек побеседовал со вдовой. Уж Сан Саныч бы нашел, о чем ее спросить.

Но Грек не из таких, кто впадает в уныние, и он еще покажет этим двоим, Туманову с Ваняшиным, как надо работать. Осмотрев опытным глазом толпу, Грек выбрал в ней старика,

который стоял и печальными глазами смотрел на лежащего на мраморных плитках мертвого Розовского.

– Пожалуй, начну с него, – решил капитан Грек.

Леха Ваняшин пожал плечами.

– А почему с него? – спросил он у Грека. На что Сан Саныч рассудительно заметил:

– Потому что лицо у него умное.

Ваняшин хмыкнул. Пробежав взглядом по толпе, он обратил внимание на молодого мужчину, не старше тридцати. Тот стоял в стороне и на все происходящее смотрел равнодушным взглядом. Время от времени он посматривал на свои часы. Потом достал сотовый телефон, набрав номер, приложил трубку к уху. Услышав, что ему ответили, сказал тихо:

– Я знаю, что ты занята. Я всего лишь хотел тебе сказать, чтобы ты не проболталась им про меня, – проговорил он и сразу же отключил телефон.

Ваняшин подошел.

– Добрый день, – сказал он и заметил, как стоявший мужчина с трубкой сотового в руке, слегка вздрогнул.

– Что? – спросил он. – Что вам надо?

– Я из уголовного розыска. Лейтенант Ваняшин, – для убедительности Ваняшин достал удостоверение, в которое мужчина тут же впился глазами, внимательно прочитав. А когда прочитал, спросил:

– И что вы хотите от меня?

– Всего лишь задать вам несколько вопросов по поводу случившегося, – сказал Ваняшин, кивком головы указав на труп, возле которого суетились криминалисты.

Мужчина натянуто улыбнулся.

– Да я не знаю ничего. Проходил мимо. Вижу, стоят люди. Человек лежит. Ну я и подошел. Того, кто это сделал, я не видел. Уверяю вас.

– Но вы знали убитого? – настойчиво спросил Ваняшин.

Мужчина кивнул, покосившись на лежащий труп.

– Знал, – сказал он тягостно. – Потому что живу тут на одной улице с ним, – кивком он указал на Розовского.

– Ну вот давайте о нем и поговорим, – предложил Ваняшин.

Федор сел в кресло и первым делом осмотрелся. Судя по дорогой обстановке в доме, Розовские жили с шиком. Хотя по-другому и быть не могло. Ведь убитый был председателем совета директоров топливной корпорации. Топливо, это всегда деньги. А где большие деньги, там пахнет нехорошим, как в случае с Розовским. Променил он жизнь на деньги.

Пока Туманов не решался выстраивать версии убийства Розовского. Хотя именно его профессиональная деятельность запросто могла стать причиной смерти. Завистники, конкуренты по бизнесу. Или кто-то из обиженных, у кого господин председатель отнял кусок лакомого пирога. Но чтобы строить такие догадки, нужно было знать об убитом все, или почти все. А пока оперативники не знали ничего, кроме скупого заявления вдовы погибшего, сообщившей о том, что утром в половине девятого подъехавший на джипе водитель, расстрелял ее мужа. Немедленно был введен план перехват, но пока что он не дал положительных результатов. Ни джип, ни его водитель, не были обнаружены сотрудниками дорожно-патрульной службы.

Сидя в кресле, Туманов молчал, давая возможность женщине успокоиться. У него появилось предостаточно времени получше рассмотреть ее, после чего майор пришел к мысли, что вдова является женщиной эффектной, что тоже может быть еще одной причиной смерти ее разлюбезного муженька. Когда-то вот из-за таких женщин мужчины устраивали дуэли и почитали за честь сложить головушку. Теперь время дуэлей прошло. Но не исклю-

чено, что дуэлянты перевоплотились в убийц. И если у этой красотки имеется любовник, то нельзя исключать версию, что убийца, именно, он. Ради любви некоторые придурки готовы хоть на костер, а уж замочить муженька своей возлюбленной, для них и вовсе ничего не стоит.

Мысль о любовнике искусителе пришла к Туманову, стоило лишь ему хорошенько присмотреться к несчастной вдовушке. Хотя по большому счету, особенно несчастной она и не выглядит. После погибшего мужа все его состояние переходит к ней. Дом, деньги и плюс сюда – свобода. Разве это не причина, чтобы отправить мужа, который годами намного старше ее, на тот свет. Нет, не сама, конечно. Судя по всему, его женушка, натура впечатлительная, сентиментальная. Другое дело любовник. Ради того, чтобы занять богатую подружку, он может пойти и не на такое. Подозрения о любовнике Туманов решил обязательно проверить, а пока, устроившись поудобней в кресле и видя, что Розовская готова отвечать на его вопросы, он спросил:

– Инна Вадимовна, вы позвонили в дежурную часть милиции и сказали, что вашего мужа убил его водитель? Так?

Женщина вскинула пушистые ресницы и своими голубыми глазами глянула в глаза майора. Причем, взгляд ее был таким, словно они сейчас находились в стриптиз баре, и красавица танцевала на подиуме для него, при этом медленно обнажаясь. Сначала взгляд, глаза, которыми он может довольствоваться, любоваться на нее, а потом будет кое-что другое.

Но ничего другого не произошло. Услышав вопрос майора, Инна кивнула:

– Ну да. Так все и было. Я выглянула в окно. Водитель махнул Леониду рукой. Он так делал всегда, когда подъезжал. Это означало, что все в порядке и Леня может выходить.

– А что, ваш супруг кого-то боялся? – спросил Федор. А Инна Розовская пожалала плечами и ответила не сразу. Она и сама не знала, боялся ли кого-то ее муж. Никогда с ним об этом не говорила. Только сейчас и призадумалась.

– Я не знаю. Но это было так заведено. Сначала водитель подъезжает, трижды сигналиит. Потом Леня выглядывает в окно, и водитель машет ему рукой. После чего Леня выходит, садится в машину, и они уезжают. Каждый день.

Федор представил, как это должно выглядеть, и пришел к мысли, что все-таки Розовский чего-то, или кого-то опасался. И водитель, прежде чем дать сигнал рукой, предварительно осматривался вокруг. Иначе бы Розовский не дожидался этого маха, и выходил из дома сразу после троекратного сигнала.

– Значит, вы не знаете, – несколько задумчиво проговорил Федор. И вдовушка согласившись, покачала головой.

– Но, вы уверены, что вашего мужа застрелил водитель?

Инна по-видимому посчитала этот вопрос неуместным и наивным. Взглянула на майора удивленно, даже с некоторой обидой в голубых глазках.

– А кто же? Он подъехал. Посигналил, – начала она повторять, но Туманов остановил ее, пытаясь внести ясность необходимую ему.

– Погодите. А вы его лицо видели? – спросил он. Женщина выразительно посмотрела на милицейского майора. Заданный им вопрос несколько удивил ее, и в то же время не понравился, что не могло не отразиться на ее хорошеньком личике. Поморщившись, она переспросила:

– Его лицо?

Федор кивнул.

– Да. Его лицо. Вы можете поручиться, что за рулем джипа сидел тот самый водитель, а не другой человек? – спросил Туманов, заставив своим вопросом Инну задуматься. Она долго молчала, потом сказала с обидой:

– Но ведь его рука... – и натолкнувшись на строгий взгляд майора Туманова, замолчала.

– Инна Вадимовна, я повторяю свой вопрос, – проговорил Федор, удивляясь бестолковости красотки. Ведь ей только и нужно, что лаконично ответить на его поставленный вопрос. Неужели это так трудно?

– Повторяю, вы лицо водителя видели?

– Нет, – сказала Инна сердито. Ей не нравилось, что этот майор не прислушивается к ее словам. А ведь она искренне пытается помочь, как можно быстрее отыскать убийцу мужа.

– Его лица я не видела, – нарочно подчеркнуто произнесла она эту фразу. Если она для майора имеет какое-то значение, то пусть он ее получит. Лично для Инны она значения не имела. Подумаешь, лицо.

– Значит, лица водителя вы не видели, а, следовательно, можно предположить, что за рулем машины мог оказаться другой человек, – начал Федор размышлять в слух, хотя Инне его размышления и не понравились, но она вынуждена была согласиться.

– Ну, наверное, мог. Только, куда тогда делся Валера Ищенко? – задала Инна встречный вопрос.

Федор оторвал взгляд от листа бумаги, на котором тщательно записывал показания Инны Розовской и уточнил:

– Ищенко, это тот самый водитель вашего мужа?

Инна согласно кивнула.

– Да. Тот самый водитель. И вам, вообще-то, следовало узнать об этом сразу, – последовало от красавицы колкое замечание, которое, впрочем, ничуть не задело майора Туманова.

– А мы и узнали, – с невозмутимым спокойствием сказал на это Туманов, тут же добавил: – Более того. Мы установили адрес водителя. Наши сотрудники из управления уже выехали туда.

Услышав это, Инна Розовская пренебрежительно хмыкнула.

– Зря стараетесь, – последовало от нее замечание, которому Туманов удивился. Произнесено оно было так, будто девушка знала нечто особенно, что не знали опера и в частности, Федор Туманов. Потому он посчитал сразу же необходимым поинтересоваться:

– Это почему же?

– Да потому, что Ищенко там не живет, – как человек знающий то, о чем говорит, тут же заявила Инна. И Федору Туманову ничего не оставалось, как спросить новый адрес водителя. Причем, впечатление было такое, будто при этом красотка делает для майора большое одолжение.

– Он живет на улице Подбельского. У одной из своих любовниц. Он вообще, такой, – сказав так, девушка безнадежно махнула рукой, видно не желая продолжать дальше. Но именно та часть, которая осталась недосказанной и заинтересовала Туманова, и он настойчиво спросил:

– Поточнее, пожалуйста.

Лицо красотки сделалось капризным. Уступать она не хотела.

– Неужели для вас так важны детали? – спросила она.

Федор поспешно кивнул.

– Именно, уважаемая Инна Вадимовна. Детали для нас имеют огромное значение. Так что если хотите, чтобы мы побыстрее нашли убийцу вашего мужа, то просто обязаны рассказать мне все. Включая интимные подробности.

– Ну хорошо, – согласилась Розовская, при этом ее невинное личико сделалось задумчивым. – Он вообще такой...

– Инна Вадимовна, это я уже слышал. – На этот раз голос Федора Туманова прозвучал с некоторой строгостью. И на то у майора были веские причины. Не нравилось, что красавица с долей каприза ходит вокруг да около. Наверное, жена миллионера привыкла, что все мужчины рангом ниже ее супруга относятся к ней, как к богине. А тут пришел какой-

то мент. Но у Федора Туманова на этот счет было свое устойчивое мнение, и он знал, как следует себя вести с такими избалованными цацами. По крайней мере, на поводу у нее идти не следовало. Да и мент он вовсе не какой-то, а старший оперуполномоченный управления уголовного розыска.

– Знаете, опустите ваши прелюдии и давайте более конкретно, – посоветовал Федор, ничуть не смущаясь под напористым взглядом молодой самки.

– Хорошо. Если вы хотите конкретики...

– Да уж хотелось бы, – вздохнул Федор, подумав при этом, сколько потрачено впустую пленки на его диктофоне лежащем в кармане пиджака.

– Вам интересно знать, что однажды этот негодяй пытался изнасиловать меня? Леонид Степанович послал его за документами к нам домой. Предварительно позвонил мне, чтобы я передала Ищенко кейс. А этот негодяй приехал и решил воспользоваться случаем. Я давно подмечала, что он непорядочный человек. Он завалил меня на диван прямо здесь, – указала Инна пальчиком на кожаный диван стоящий тут же в гостиной.

Федор посмотрел на диван. Потом на красавицу, щеки которой пылали жаром. Сейчас о том случаи она рассказывала так красноречиво и в таких деталях, что Федору, глядя на ее стройные ножки и полуобнаженную грудь, невольно захотелось доделать то, что тогда не сумел проделать с ней водитель Ищенко, тем самым осрамив мужскую честь.

Слушая молодую вдову, Федор невольно задался вопросом, что же ему помешало отступить от своих желаний притом, что красotka уже оказалась под ним. И он прямо спросил об этом Розовскую.

– Телефон, – сказала красавица и достала из кармана короткого халатика трубку сотового. – Он звонил в самый неподходящий для Ищенко момент. Звонил Леонид Степанович. Он словно заподозрил чего-то. А может, так срочно были нужны документы, – Инна пожалала плечиками. – Точно сказать не могу. Но он позвонил и велел Ищенко как можно быстрее приехать в офис.

– Его звонок спас вашу честь? Честь верной жены, – произнесены эти слова майора были с некоторой иронией. Потому что лично сам Федор не верил, что сидящая перед ним в раскованной позе красotka не такая уж безупречная. Судя по ее горящим глазкам, она большая охотница до мужчин. Но сейчас изо всех сил старается не показаться милиционеру майору порочной. И надо отдать ей должное, у нее получается.

– Если б не телефон... – сказала Розовская и не закончила начатую фразу. Лежащий на ее ладошки сотовый, внезапно разразился трелью.

Девушка вздрогнула. Заметив, с каким вниманием на нее смотрит майор Туманов, извинилась и поднесла трубку к уху.

– Я сейчас занята. Перезвони мне потом, – сказала она довольно холодно, при этом опустив свои глазки в пол на ковер с замысловатым рисунком. Потом отключив телефон, Инна спрятала его обратно в карман и, видя, что назойливый майор не собирается уходить, решила ему помочь, встала с кресла, одернув при этом короткий халатик, давая понять, что разговор окончен.

– Извините. Если у вас все, то я бы хотела заняться делами. Мне нужно обзвонить родственников. Сообщить им о смерти Леонида Степановича, – нашлась она, что сказать и что не смогло оставить майора равнодушным.

Федор вскочил с кресла. Сунув руку в карман, выключил диктофон и сказал:

– Да, да. Извините. Я уйду. Но перед уходом последний вопрос...

Инна сделал вид, что она чертовски устала от назойливости милиционера, но в качестве одолжения, готова потерпеть и выслушать его последний вопрос. Хотя тут же уточнила:

– Ну, если только последний.

– Последний, последний. Видит Бог. Скажите, а вы мужу не говорили, что водитель пытался вас изнасиловать? – спросил Федор, глядя в глаза Инне.

– Нет. Не говорила, – не моргнув глазом, ответила красотка. – Ведь самого изнасилования, как такого не произошло.

Федор призадумался.

– Верно.

– Просто на будущее я сделала для себя кой, какие выводы.

– Например? – не удержался Федор от еще одного вопроса, за что Инна тут же ему погрозила пальчиком.

– Майор, это уже второй вопрос, – сказала она, но тут же смиростивилась. – Ну ладно. Так и быть, отвечу. Например, что Ищенко бабник и негодяй. В общем, поезжайте по тому адресу, который я вам дала. Возможно, найдете его там, – говоря так, красотка не упустила кивнуть на дверь, в которую майору следовало выйти. Хотя об этом можно было и не беспокоиться. Федор прекрасно освоился с расположением дверей в просторной гостиной и отлично помнил ту дверь, в которую вошел. Кивнув на прощанье вдове, он вышел.

На улице Туманова поджидали Ваняшин с Греком. Оба сидели на скамейке перед клумбой с цветами, курили и о чем-то разговаривали. Федор был на все сто уверен в том, что вряд ли сейчас усатый капитан был обеспокоен происшедшим убийством. Скорее всего, мысли Сан Саныча Грека были настроены исключительно на другое. И в этом Туманов тут же убедился, стоило ему подойти к своим помощникам.

Слащаво улыбаясь, Грек уставился на Федора своими черными глазенками и, щурясь как кот от яркого солнца, сказал:

– Красота-то какая вокруг, Николаич. Прямо как в раю. Чего бы не жить людям.

Леха Ваняшин сидел на краю лавочки и в открытые ворота таращился на часть улицы, располагавшуюся перед коттеджем Розовских. Похоже, болтовню Грека он вовсе не слушал, хотя самого капитана, это мало заботило. На скучном лице лейтенанта появлялось оживление, если мимо проходила юная красотка в короткой юбочке и уходила, сверкая загорелыми ножками.

Федор окинул взглядом обоих помощников. Засиделись оба без дела. Разомлели от жары. И майор, напустив на себя побольше строгости, сказал:

– Ну и чего вы там наработали? Есть что-либо интересующее нас?

Грек досадливо махнул рукой.

– Какое там, Николаич. Ноги до мозолей стерли, а результат, кот наплакал, – сказал Грек, бросив очередной окурочок мимо урны на мраморную плитку, где уже таких окурочков лежало с полдесятка.

Федор мрачно посмотрел на них и не менее мрачно заметил:

– Понятно. Значит, похвалиться нечем?

– Можно сказать и так, – сказал Грек, разводя руками. – А что же ты хочешь? Утро. Это ведь не деревня, где люди с солнышком встают. Тут спальный район. В половине девятого утра тут все еще дрыхнут. Поэтому, никто ничего не видел и не слышал. Ну, а ты как там с вдовушкой? – спросил Грек, при этом, покосившись, незаметно от Федора, подмигнул приятелю Лехе. Тот улыбнулся, что доставило Греку неопишемую радость, потому что вопрос майору Туманову был задан не столько по делу, сколько с подколом. Впрочем, сам Федор на этот подкол не обратил внимания, в отличие от Грека с Ваняшиным.

– Мы с ней побеседовали, – сказал Федор. А на усатой роже капитана появилось разочарование.

– И только? – улыбаясь, спросил Ваняшин.

Федор нахмурился и покачал головой. Заметил как бы, между прочим.

– Леша. Ты перенимаешь от капитана Грекова дурные манеры. И мне, как старшему над вами, олухами, придется обратить на это внимание, – пригрозил Туманов. Но Ваняшина это не проняло. Он сказал:

– Поздно, Федор Николаич.

– Что, поздно? – сразу не понял Федор.

– Обращать внимание поздно. Потому что все манеры уже переняты. В чем– чем, а в этом, Сан Саныч Грек постарался от души. Всю херню мне передал.

Внимательно слушавший все это Грек, не утерпел:

– Не трепи, чего не надо. Ты к нам пришел уже испорченный, как уличная девка. А я тебя, дурака, воспитываю. Можно сказать, уму разуму учу. И ты, Лешка, с больной головы на здоровую не вали. Понял? И закрой хавальник.

Слушавший всю эту болтовню Федор, не выдержал. Для начала он с досады плюнул. Хотел попасть в стоящую неподалеку урну и не попал. Плевком угодил на ту плитку, куда Грек накидал окурков.

– Ладно. Хватит болтать не по теме. Поехали. Мне вдова дала адрес, где может скрываться водитель ее мужа, – сказал Туманов.

– Предполагаемый преступник, – уточнил Грек.

Федор вздохнул и поднявшись со скамейке, потребовал, последовать его примеру, сказал Греку с Ваняшиным:

– Ладно. Будем считать так. Поднимайте свои жопы и вперед.

Топтавшийся без дела возле узорчатых металлических ворот местный участковый, увидев вышедших важных оперов, приложив руку к фуражке, осведомился у майора Туманова:

– Товарищ майор, а мне чего теперь делать? Труп увезли...

Федор не ответил. Не видел никакой надобности в том, чтобы держать этого служаку тут. Но с другой стороны он его и не ставил сюда. И лучше бы ему о дальнейшем своем предназначении справиться у своего начальства.

За Федора ответил капитан Грек. Он обнял участкового, негромко наговаривая ему на ухо:

– Тебе поручается трудное задание. Иди, успокой вдову. Наш майор не сумел, так попробуй ты. Понимаешь, хреново ей там сейчас. Так что, давай.

Участковый оторопело захлопал глазами, видно не поняв, что приехавший капитан попросту с ним валяет «ваньку».

– Грек, поехали, – крикнул Федор уже из машины, видя, что усач как всегда не торопится, и не прочь бы поболтать с участковым. Но майор лишил его такой возможности, заставив сесть в машину.

На улице Подбельского опера остановились возле пятиэтажного кирпичного дома потонувшего в зелени разросшихся тополей. Из-за листвы проглядывают окна. Так и кажется, что за одним из них затаился предполагаемый убийца бизнесмена Розовского, его водитель. И он не просто затаился, а настороженно наблюдает за улицей. Ему нужно переждать какое-то время. Собраться с мыслями и решить, что делать, как быть дальше.

Хотя Федор так до конца и не верил, что Розовского убил его собственный водитель. По мнению Туманова в высшей степени неразумно водителю убивать своего шефа, да еще из машины, на которой он за ним приехал.

– Какая-то ерунда, – категорично заметил по этому поводу Федор Туманов, с чем рассудительный капитан Грек был в корне не согласен.

– А никакой ерунды, Николаич. Вдова же видела, как этот гад стрелял в ее мужа. А то, что она не видела его лица, это ничего не значит. Он что, публичная девка, чтобы свою

рожу в окно выставлять. Сделал дело. Получил денежки и отвалил в сторону, – настойчиво проговорил Грек. Казалось, нет ничего такого, что бы могло заставить Сан Саныча Грека изменить свое устойчивое мнение. И все, в чем пытается ему возразить майор Туманов, это не возражения, а обыкновенная демагогия. И как жаль, что этот недоумок лейтенант Ваняшин занял ни его сторону, а сторону твердолобого майора. Но ничего, Сан Саныч докажет им обоим, кто из них прав.

– Знаешь, Сан Саныч, по-моему, Николаич прав. Каким же это надо быть дураком, чтобы вот так взять и убить своего шефа. Он что, этот Ищенко не понимает, что засветился. Ведь все подозрения на него, – не отрываясь от руля, высказался Леха Ваняшин. Вдвоем с майором они готовы навалиться на Сан Саныча Грека. Только, где им развеять убеждения опытного сыскаря.

– Мой юный друг, ты как всегда прав. Только ты забываешь, что убийство это имеет явно заказной характер. И водителю отвалили за него столько денег, что тебе тупоголовому и не снилось. А потом ты забыл одну простую истину, что есть такая категория людей, они за большие деньги мать родную в землю закопать, готовы, а уж шефа убить, для них, как нашему Николаичу плюнуть мимо урны. Как только возьмем этого водилу-мудилу, вы увидите, что я был прав. Но Сан Саныч не из гордецов. Много я с вас не возьму за упрямство, а по литрухе пива вы мне будете должны. Чтобы впредь не спорили.

Сидевший с задумчивым лицом Федор Туманов молчал. Грек легонько толкнул его.

– О чем задумался, майор. Жизнь порой сплетает такие замысловатые узоры, которые трудно расплести. А этот узорчик мы в два счета забацаем. Нам теперь надо только Ищенко взять, – проговорил Грек все это тоном, как человек убежденный в правоте не только своих слов, но и поступков.

Туманов кивнул на торец дома, возле которого они припарковали свою «Волгу».

– По словам несчастной вдовушки, Ищенко отсиживается в этом доме в пятьдесят восьмой квартире. У своей любовницы, – сказал Туманов. Грек сделался подозрительным.

– Слушай, Николаич, а ты не спросил, откуда у несчастной вдовушке такие сведения? – спросил Грек у Федора.

– Не спросил, – с огорчением признался Федор, чувствуя, что дал маху. – Побеседовать с ней как следует, не пришлось.

– Понятно, – протянул Грек разочарованно. – Надо было мне с ней потолковать. А ты купился на ее красоту. Вот она тебе мозги и запудрила. А со мной такие номера не проходят. Я всех красивых лярв сразу вывожу на чистую воду. Стоит мне только глянуть таким в глаза и у иной красотишки сразу отпадает охота врать. Вот так, – закончил Грек с бахвальством и посмотрел на Туманова с Ваняшиным, заметив, что оба едва сдерживаются, чтобы не расхохотаться. – Чего вы? Да ну вас, – обиженно махнул он рукой и отвернулся.

– Да, Сан Саныч, с тобой не соскучаешься, – высказался по этому поводу Леха Ваняшин, когда они все трое направились к подъезду, в котором проживала любовница Валерия Ищенко.

У Федора Туманова не было четкого плана, как им попасть в квартиру. Поэтому, уже очутившись в подъезде, он сказал Греку с Ваняшиным:

– Действовать будем старым, но проверенным способом. Пятьдесят восьмая квартира находится на четвертом этаже. И мало вероятно, что Ищенко, если он там, захочет сигануть в окно или с балкона. Значит, мы сейчас поднимаемся, звоним в соседнюю квартиру и попросим кого-нибудь из жильцов позвонить в пятьдесят восьмую. Ну, а дальше, как говорится, дело техники. Как только дверь откроется, вперед. У кого есть желание отличиться? – говоря так, майор посмотрел на Грека, но оптимизма в глазах у того не заметил. Сан Саныч Грек отличиться не хотел. Зато глаза лейтенанта Ваняшина сверкали. Скажи сейчас Туманов ему, что надо забраться на четвертый этаж по стене, и лейтенант Ваняшин, не задумываясь,

исполнил бы это. И сейчас видя нерешительность Грека, Ваняшин шагнул вперед, заслонив капитана своей мощной грудью. Туманов по достоинству оценил решительность молодого летехи, но проявить себя не позволил. Для себя майор уже все определил. В квартиру он войдет первым. И это не геройство. Просто в случаи, если предполагаемый убийца окажет сопротивление, будет намного лучше встретиться с ним ему, майору Федору Туманову. Шальной риск лейтенанта Ваняшина может обернуться непоправимой бедой. Ведь в Розовского убийца стрелял из автомата. И кто даст гарантии, что он сейчас с этим автоматом не затаился где-нибудь за дверью и поджидает ментов.

Посмотрев на Ваняшина, Федор сказал, не оставляя компромисса:

– Первым в квартиру врываюсь я. Ваняшин за мной. Грек прикрываешь нас со спины.

Что, это означало, Грек прекрасно понимал, поэтому поморщился, но ничего не сказал, смирившись с тем, что предложил Туманов. Когда поднимались по лестнице, Ваняшин с ехидцей тихонько сказал Греку:

– Не дает тебе майор проявить себя.

Грек насупился. Покосившись на своего молодого коллегу, также тихонько ответил:

– Леша, я без пяти минут пенсионер. Это тебе молодому надо себя проявлять. А я уж как-нибудь проживу и без этого. Тоже мне геройский поступок. В квартиру вбежать. Знаешь, сколько у меня таких случаев было? У тебя пальцев не хватит пересчитать. – Грек собирался еще что-то сказать, но не успел. Федор Туманов обернулся и строго погрозил усатому капитану пальцем, чтобы тот прекратил всякую болтовню. После этого кивком головы указал на дверь с номером пятьдесят восемь. Грек замолчал, а Федор, приблизившись к двери, прислушался.

В это время на площадке первого этажа громко хлопнула дверь.

– Николаич, сюда поднимается кто-то, – шепнул Грек.

Ваняшин подошел к лестничному проему, глянул вниз.

– Не кто-то, а девушка, – сказал он тихо и также тихо добавил: – И очень не дурна собой.

– Подождем, – предложил Федор, отходя от двери.

Втроем они стали прислушиваться к стуку каблучков по лестнице. И когда девушка поднялась на площадку четвертого этажа, сделали вид, что они спускаются вниз. Девушка взглянула на них подозрительно. Особенно на усатого Грека. Потом достала из сумочки ключи и только собралась сунуть один из них в замок двери с номером пятьдесят восемь, как все трое бросились к ней.

– Одну минуту, – сказал Федор перепуганной девушке.

– Вы кто? – спросила она, принимая оперов за кого угодно, но только не за тех, кем они были на самом деле.

Федор достал служебное удостоверение, показал. Но даже при виде ментовской ксивы девушка не успокоилась, и испуганно водила глазами по лицам, причем на усатом лице Грека задерживала свой взгляд дольше.

– Вы здесь живете? – тихо спросил Туманов.

– Да. А в чем, собственно, дело? – недоуменно спросила девушка, уставившись на Туманова.

Федор улыбнулся.

– Мы вам потом все объясним. А пока отвечайте на наши вопросы. Договорились? – миролюбиво предложил он девушке. Та кивнула.

– Ладно, – сказала она, как будто начиная немного успокаиваться. По крайней мере, того первоначального испуга в ее взгляде уже не замечалось.

– Ну вот и прекрасно, – одобрил Федор Туманов и тут же спросил: – Кроме вас еще кто тут проживает? – кивнул майор на дверь квартиры.

– Нет. Только я, – ответила девушка, как бы удивляясь вопросу майора. Она вообще не понимала, зачем здесь появились оперативники и к чему эти дурацкие вопросы. – Родители отдельно живут. А эту квартиру оставили мне. А что случилось-то? Скажите, Бога ради? – попросила она, забыв про уговор не задавать вопросы. Потом вспомнила про своего парня, призадумалась, стоит ли о нем сказать милиционерам. А что, если они здесь как раз по его душу. Нет, лучше сказать. И она сказала:

– Вообще-то я живу одна. Но сейчас у меня живет мой парень. Временно.

– Валерий Ищенко? – уточнил Туманов, видя, что девушка мнется и как бы не собирается договаривать.

– Да. Вы его знаете? – захлопала она густыми пушистыми ресничками. В глазах растерянность.

– Не знаем, но очень бы хотелось с ним познакомиться, – сказал Грек. И девушка уставилась на него. Спросила все с тем изумлением.

– Да?

Грек кивнул.

– Очень, – со всей определенностью заявил он.

– А сейчас Ищенко у вас? – тихонько спросил Федор.

– Да, – ответила девушка. – То есть, нет.

Грек улыбнулся ее путанице в ответе.

– Как это? Так он у вас или нет? – спросил он.

– Сейчас он на работе. Он возит одного очень крутого бизнесмена. Утром уходит и возвращается поздно вечером. Да что случилось-то? Скажите? Что-то с Валерой? Да? Ну отвечайте! – на этот раз в ее голосе отчетливо слышалось требование, и предназначалось оно в первую очередь майору Туманову. Но майор и на этот раз проявил неприятную для нее сдержанность. От прямого ответа уклонился, бросив взгляд на ключи, которые она держала в руках, предложил открыть квартиру.

– Вы не будете возражать, если мы войдем? – спросил он.

– Да, да, конечно, – засуетилась девушка, поворачивая ключ в замке.

Незаметно от нее, Федор кивнул Греку. Его кивок означал только одно, как только дверь будет открыта, капитан должен попреридержать хозяйку, а они тем временем с Ваняшиным войдут. Вполне может получиться так, что предполагаемый убийца не пожалеет свою любовницу и одной очередью положит ее вместе с оперативниками. Так к чему такой, неоправданный риск? Этого Федор допустить не мог. Поэтому, когда дверь была открыта, и девушка собиралась войти, Грек ухватил ее под руку, оттащив назад.

Изумленными глазами она наблюдала за тем, как майор и его не менее рослый молодой напарник, выхватив пистолеты, бросились в квартиру.

Грек напрягся в ожидании выстрелов. Но их не произошло. Та тишина, которая была в квартире, поразила Грека. Не слышно было ни возни, ни возгласов Туманова с Ваняшиным, которыми неизменно должно было сопровождаться задержание. И все это навело капитана Грека на мысль, что вдова Розовская мягко говоря опоздала со своей информацией. Скорее всего, убийца ее мужа дал отсюда деру.

Потом послышались шаги, и в коридоре показался Леха Ваняшин, уже без пистолета. Глянув на Грека и на девушку, он сказал:

– Чего там топчитесь? Входите.

– Благодарю вас, – недовольно бросила девушка, входя. – В собственную квартиру надо входить по разрешению милиции, – заметила она.

Ваняшин сделал вид, что не услышал ее замечания. А Грек спросил:

– Чего там, Леша, нету его?

– Там, – сказал Ваняшин, усмехнувшись. – Спит непробудным сном. Кажется, он пьяный вдрызг. Сейчас сам убедишься. Пойдем.

Квартира, в которой проживала любовница Валерия Ищенко, состояла из двух комнат. Первая комната, побольше, была чем-то навроде гостиной, а вторая служила спальней. В ней, на широкой кровати, и лежал Валерий Ищенко, тихонько посапывая во сне.

Федор Туманов сидел рядом на стуле, дожидаясь пробуждения подозреваемого. Когда Ваняшин, Грек и хозяйка квартиры вошли, он сказал, улыбаясь, и кивнув на спящего:

– Так сладко спит, что и будить жалко.

– А придется, – сердито произнес Грек и, наклонившись, толкнул спящего в плечо. – Эй ты, спящая красавица. Пора вставать. Счастье свое проспичь, – Грек толкнул еще и еще, но это не помогло.

– Зачем вы так грубо? – вмешалась девушка, наблюдавшая за действиями усатого капитана Грека.

– А как надо? Может, мне ему кофий в постель подать прикажите. Попробуйте, может у вас получится, – предложил ей Грек, отходя в сторонку.

Девушка присела рядом со спящим.

– Валера. Валерочка. Вставай, – ласково заворковала она ему на ушко.

Грек хмыкнул с недовольством.

– Смотри, какие нежности. Пятки почесать ему не надо? – проворчал он.

– Уйди, зараза! – не открывая глаз, рявкнул спящий на девушку. – Спать мешаешь.

– Валера, проснись. Прошу тебя, – произнесла девушка уже без особой нежности и принялась расталкивать своего любовника. В конце концов, ей это удалось. Ищенко открыл глаза, сначала уставился на свою подружку, потом на оперативников. Потом схватил с тумбочки будильник. Разглядев, сколько было время, попытался встать.

– Алка, я бляха муха, на работу проспал. Мне же за Степанычем надо ехать.

– Ну, очухался, наконец-то, – хохотнул Грек.

Ищенко уставился на него.

– Чего? Алка, это чья рожа? Кто такой? А вы? – повел он мутными глазами на Туманова с Ваняшиным. Откинул одеяло, и оперативники увидели лежащий с краю постели короткоствольный автомат.

Стоявший ближе всех к Ищенко капитан Грек, не растерялся, бросился на него и собой придавил водителя к постели. Не менее проворным оказался и лейтенант Ваняшин. Ищенко не успел, и охнуть, как лейтенант на его запястьях защелкнул браслеты.

– Спокойно. Не надо рыпаться, гражданин Ищенко, – прохрипел ему на ухо усатый Грек. – С Сан Санычем Греком такие номера не проходят.

– Ребята! Да я вообще-то ничего такого. Я встать хотел, – тупо водя глазами на оперов, признался Ищенко, пытаясь сбросить с себя усатого Грека.

Грек с ехидцей улыбнулся, впившись в Ищенко, как пиявка.

– Встать он хотел. А еще чего ты хотел?

– Поссать. Сил нет терпеть. Сейчас мочевой пузырь лопнет, если ты с меня не слезешь, – корчась, произнес Ищенко. Но Грек был неумолим.

– Потерпишь, не маленький. Ты лучше скажи нам, твой автоматик? – спросил он, надеясь на чистосердечное признание подозреваемого, но тот отрицательно замотал головой.

– Не мой. Я уже большой мальчик и с такими игрушками не играю. И вообще не знаю, как он попал сюда. Вы его подбросили. Алла, скажи ты им, – обратился Ищенко к своей подруге.

Девушка испуганно смотрела на лежащий автомат. Спросила растерянно:

– Что я должна им сказать, Валера? Может, ты сам объяснишь, как это оказалось тут на постели? – предложила она.

Ищенко застонал, закрыв лицо ладонями.

– Дура ты! Я не знаю как. И вообще, я не понимаю, что тут происходит. Может, кто-нибудь объяснит, наконец, – попросил водитель.

Федор осмотрел автомат. Стараясь оставить на нем как можно меньше своих отпечатков пальцев, отсоединил рожок. Понюхал ствол, потом сказал:

– Сдается мне, из этого ствола стреляли совсем недавно. А точнее, утром.

Ищенко подозрительно посмотрел на майора Туманова.

– На что это вы намекаете? – подозрительно спросил он.

Федор пожал плечами.

– Я? Наменяю? Какие тут могут быть намеки? Сегодня утром, ровно в половине девятого, возле своего дома был застрелен господин Розовский.

– Что? – Ищенко вскочил с кровати, но Ваняшин с Греком в один голос закричали на него:

– Сидеть!

Ищенко рухнул на кровать, посмотрел на свою подругу. Алла плакала, отвернувшись. Теперь ей было ясно, зачем тут появились оперативники. Но она не могла понять другого, как Валерий, человек, который как ей казалось, не способен даже обидеть и мухи, мог совершить такое.

– Степаныч, убит? Но какое это имеет отношение ко мне? Я то тут при чем?

Федор вздохнул.

– Как знать, как знать. Может и имеет. Сдается мне, Розовского убили из этого автомата. Лейтенант Ваняшин, – обратился майор к стоящему рядом Лехе Ваняшину, – пригласите соседей в качестве понятых. Хоть вы, Ищенко, мальчик и большой, но автомат не игрушка. Особенно, если он проходит по «мокрому» делу.

– Знаешь, приятель, – повеселевшим голосом проговорил Грек, – дам тебе один совет. Лучше не держи в себе этот тяжкий грех. Признайся, твоих рук дело? – говоря так, Грек присел на кровать рядом с Ищенко. Но тот сразу же отодвинулся от капитана.

– Не считайте меня дураком. Мне не в чем признаваться. И Степаныча я не убивал. Не убивал! – прокричал он. – Понятно вам?

Грек укоризненно покачал головой.

– Признаваться или нет, конечно же, дело твое. Так или иначе, но тебе сейчас придется поехать с нами, – сказал он водителю.

Услышав это, подруга Ищенко, резко обернулась, бросила на Грека ненавистный взгляд.

– Вы его забираете?

– Задерживаем, – уточнил Туманов. – Как подозреваемого в совершении преступления. Да и с вами нам бы хотелось поговорить. Может быть, вы объясните, каким образом попал этот автомат в вашу квартиру?

– Я не знаю, как этот автомат попал в мою квартиру. Понимаете? Не знаю. И вообще, я так устала ото всего этого, – Алла села в кресло и отрешенная ото всего, отвернулась к окну. Не хватало еще, чтобы эти менты в чем-то подозревали ее. А ведь подозревают. Это видно по их мордам. Особенно тот усатый, похожий на цыгана. Он Алле не понравился сразу. Глаза у него черные. Хотя и этот майор хорош. Лицо у него приятное, но он мент. Делает свою ментовскую работу. Алле сейчас было противно видеть их обоих. Она не знала, во что ввязался Валерий. В одном только нисколько не сомневалась. Он влип. И влип по крупному. И единственное, что она сможет для него сделать, это нанять хорошего адвоката.

В дверях показался Ваняшин.

– Федор Николаич, я привел понятых.

Глава 2

– Ты учти, Федор Николаич, – поучительно говорил полковник Васильков, вызвав майора Туманова к себе в кабинет. – Дело принимает серьезный оборот. Розовский был крупной фигурой российского бизнеса. Владелец ряда топливных предприятий. А, кроме того, он помощник депутата госдумы. Опять же интервью частенько давал на телевиденье. Представляешь, какая возня у журналистов началась. Им же факты подавай, – Васильков в сердцах швырнул карандаш об стол и карандаш сломался. – А факты такие. У нас есть все основания полагать, что Розовского убил его водитель. Ведь автомат нашли у него в постели? – посмотрел полковник на Федора Туманова.

Молча слушавший полковника Туманов, кивнул. А Васильков удовлетворенный, что майор ему не перечит, продолжил:

– Ну вот. Экспертиза доказала, что Розовский был застрелен из этого самого автомата?..

В ответ опять кивок. И седоволосый полковник прямо на глазах повеселел. Нравилось, когда молодежь прислушивается. И ему захотелось подойти, сесть на стул рядом с Федором Тумановым и по приятельски хлопнуть того по плечу. Но он соблюдал субординацию. А согласно ей начальник должен оставаться начальником и сидеть на своем месте, во главе стола. А подчиненный на своем, там, где и сидел Туманов. И единственно, что он мог себе позволить, так это разговаривать с майором более приятным тоном.

– Ты пойми, Федор, тянуть нам с этим не стоит. На самом верху, – Васильков ткнул пальцем вверх, – заинтересованы в скорейшем расследовании этого преступления. И нам надо оправдать их надежды. – Проговорив так, Васильков замолчал. А лицо, испещренное морщинами, помрачнело, как только заглянул в глаза Туманову. По ним понял, не согласен с ним подчиненный. И полковник сменив тон на более строгий, спросил:

– Что-то не так, майор? Ну говори. Не стесняйся.

– Понимаете, в чем дело... – начал Федор.

Полковник улыбнулся. Но улыбка получилась натянутой, словно кто-то заставил его сделать это.

– Ты говори, а я уж постараюсь понять, – предложил Васильков, видя, что молодой подчиненный не решается пуститься на прямоту. – Ты не считаешь Ищенко убийцей? Так? – спросил полковник, заглядывая в задумчивое лицо Федора Туманова.

– Понимаете, все уж как-то выглядит просто. Водитель убивает своего шефа. А причина? Какой у Ищенко мотив для убийства? Розовский ему хорошо платил. Ведь кроме водилы, Ищенко выполнял при нем еще роль и личного охранника. Получал три тысячи долларов. Чего ради ему вдруг идти на убийство? Не вяжется это как-то с корыстью. А других мотивов нет.

– А улика? – сдержанно возразил полковник. Туманов был отличным опером, а стало быть, знает, чего говорит. Поэтому Васильков не настаивал, не давил. Скорее, советовал. А вот пригодится ли его совет и прислушается ли к нему молодой сыщик, это уже другое дело. И возражение полковника было веским.

– Вы же сами обнаружили в его постели под одеялом автомат, – сказал он.

– Вот, – Федор заерзал на стуле так, что тот жалобно заскрипел. Васильков опустил глаза, посмотрел на стул, но ничего не сказал Туманову. Зато сказал Федор:

– Эта улика, товарищ полковник, как раз и не дает мне покоя. Ну, какой нормальный человек после убийства будет держать у себя оружие, которым это убийство совершено. Самое лучшее избавиться от него и поскорее.

– Постой, Федор Николаич, – остановил Васильков майора Туманова взмахом руки. – Но ведь ты сам говорил, что в момент задержания, водитель был сильно пьян? Вот тебе и объ-

яснение, к тому же простое. Совершил убийство. Переволновался. Напился. Лег в постель и автомат положил, на случай если оперативники придут его задерживать. Знаешь, ты благодари Бога, что в момент задержания он не положил вас всех там из этой штуковины.

Но Федору это предостережение показалось не убедительным.

– Да какое там, – махнул рукой Туманов. – В момент задержания он спал беспробудным сном, как младенец. Мы вообще едва разбудили его.

– погоди, погоди, – положил Васильков тяжелую ладонь на стол. – Его отпечатки пальцев на автомате имеются?

Федор вздохнул.

– Имеются, – сказал он Василькову, заметив, как у того прямо расцвело лицо.

– Вот видишь. Имеются. Так чего ж тебе еще надо? А то, что он не сознается, так это понятно. Кому охота за решетку. Протрезвел, понял, что влип, вот и старается увильнуть. Алиби у него есть?

Туманов отрицательно покачал головой.

– Нету.

– Тем более, – Васильков прищурился, посмотрел на майора с хитринкой. – И вообще, Федор Николаич, мне не понятно, чего ты так о нем заботишься?

– Да не забочусь я, товарищ полковник. Просто хочу справедливости, – возразил Федор. А полковник пристально глянул ему в глаза, строго спросив:

– А я, по-твоему, не хочу?

Федор промолчал, и полковник продолжил:

– Только извини, брат, чутье мне подсказывает, что этот водитель не из простачков. Он ведь не ожидал, что вы так скоро его разыщите, даже алиби себе не придумал. Послушай, майор, моего дружеского совета. Я думаю, вам особенно с этим тянуть не стоит. Тут же все очевидно, как божий день. Ну не хочет этот Ищенко сознаваться, и не надо. В общем, Федор, не тяни. Если тебе все понятно, то – свободен, – сказал Васильков и сделал вид, будто занят текущими делами, уткнулся в бумаги.

От начальника майор Туманов вернулся без настроения.

Ваняшин с Греком сидели в кабинете, ели бутерброды с колбасой, запивая их пивом. Увидев, что у майора кислый вид, Грек услужливо откупорил третью бутылку пива, подвинул ее Федору и, прожевав бутерброд, сказал:

– На-ка, Николаич, хлебни пивка для настроения.

Федор сел на свой стул и сделав пару глотков из бутылки, спросил:

– Ищенко допрашивали?

– Так точно, – в шуточной форме отчеканил Грек. – Только что. Вот здесь, в этом кабинете.

Лица у оперативников были безрадостные, даже усталые. Майор посмотрел на обоих своих помощников и спросил:

– И что?

Грек загнал себе в рот здоровенный кусок колбасы и не успел прожевать, поэтому отвечать пришлось Ваняшину.

– А ничего, Федор Николаич. Он божится, что к убийству своего шефа не имеет отношения. Как автомат попал к нему в постель, не знает.

Туманов вздохнул, вспоминая разговор с Васильковым. А Ваняшин сказал:

– Николаич, возьми бутербродик с колбаской. А то пока мы разговариваем, Грек всю колбасу сожрет. Вон как приналег. Челюсти работают, как жернова.

Усатый капитан вытер ладонью солевые губы.

– Тебе, Лешка, хорошо возле родителей. Мама с папой тебя накормят. Николаича его Дарья побалует деликатесами. А кто мне чего подаст. Питаюсь от случая к случаю. Да потом, в кругу друзей, она знаешь, как в рот идет, – засмеялся Грек, нахваливая принесенную Ваняшиным колбаску.

Видя, что аппетит у капитана разгорается, Ваняшин взял пару бутербродов, положил их перед Федором Тумановым, но Федор отказался и один из бутербродов тут же очутился в руках у Грека.

– Не хочешь, Николаич? – блестя своими черными глазенками, спросил Грек, быстро отправив добрую его часть себе в рот.

Федор махнул рукой.

– Ешь. Я не хочу. В рот ничего не идет, – несколько задумчиво произнес он.

Ваняшин глянул на нахального Грека и осуждающе покачал головой.

– А вот Сан Санычу все идет в рот. Особенно, если в нахалю. Да, Сан Саныч?

Грек, соглашаясь, кивнул, тут же прикончив бутерброд. Но ко второму не прикоснулся. Рука не поднялась, хотя Федор подвинул его ему.

– Не буду, Федор Николаич, – надувшись, проговорил Грек. – Я знаю, что ты добрый человек, не то, что этот Ваняшин. Жмот.

– Слушайте, хватит вам базар устраивать. Лучше давайте, решим, как нам быть, – предложил Федор, глянув на Грека с Ваняшиным.

Грек к предложению майора отнесся вяло, погладив сытый живот, он икнул, и сказал, не теряя самодовольства:

– А чего тут голову ломать? Ищенко мы задержали. Пока он единственный, главный подозреваемый.

– Но он не сознается, – дополнил Ваняшин. Усатый капитан хмыкнул, глянул на приятеля Леху, как на неразумного мальчугана и веско сказал:

– Ничего. Недельку в одиночке проторчит и сознается. Это он герой, пока еще от свободы не отошел. А как поймет, что деваться ему некуда, сразу признается в совершенном грехе. Еще парочку и чужих себе прихватит, – Грек заискивающе глянул на Федора. Но лицо майора сделалось суровым.

– Знаешь, Грек, нам не надо, чтобы он чужие грехи на себя взваливал. Пусть отвечает за свое, – строго заметил Туманов. – С него и так будет достаточно.

Услышав замечание майора, Грек сразу пошел на попятную.

– Да это я так, Николаич. К слову. Что ж я не понимаю, каково это расплачиваться за чужие грехи, – проговорил капитан, скосив глаза на оставшийся бутерброд с копченой колбасой, лежащий посередине газеты. Сейчас Грек напоминал лисицу из знаменитой басни Крылова. Только тут исход оказался совсем другим. Не утерпев, Сан Саныч быстро схватил бутерброд и целиком засунул его себе в рот. Наскоро расправившись с ним, Грек стянул со стола газету, скомкал и после того, как швырнул ее в урну, сказал:

– Ладно. Чего там.

Туманов с Ваняшиным переглянулись и засмеялись, видя с какой решительностью Сан Саныч Грек готов взяться за дела. С утра они с Ваняшиным ездили на окраину Москвы в район, застроенный частными коттеджами. Хотя называть эти дворцы коттеджами, язык не поворачивался. Точнее было бы именовать их поместьями. И глядя на окружающую роскошь, не трудно было догадаться, что люди здесь обосновались сверхбогатые.

Получив от Туманова задание, провести оперативное наблюдение за домом убитого Розовского и его вдовой, опера выехали туда и мозоля глаза местным обитателям, почти целый день прослонились там. На многое не рассчитывали, но кое-что все-таки выяснить удалось.

Перелезть через забор, окружавший дом Розовских, предложил Грек.

– Майор нам дал задание посмотреть тут... – настойчиво убеждал Грек приятеля Леху, видя, что тот колеблется. – Нерешительный ты, какой-то, Лешка.

– Так ведь это противозаконно, – парировал Ваняшин нападки Грека, впрочем, без особого успеха. Обойдя забор вокруг, они нашли место, где можно было пролезть внутрь территории. Хотя лаз этот получился опять стараниями все того же Грека. Тот не поленился заползти в густые кусты, где и обнаружил, что рифленый лист металла, из которого был сделан забор, в самом низу не прибит, и если поднатужиться и отжать край, то там можно пролезть. Скорее всего, строители, огораживающие территорию, оказались халтурщиками и поленились лишний раз наклоняться, потому нижний угол металла и оказался не прибитым. Но для оперов их халтура оказалась важной находкой.

Услыхав невразумительный ропот молодого коллеги по поводу противозаконности, Сан Саныч Грек невольно усмехнулся. Ну прямо беда с Лехой.

– Мой молодой друг, я бы посоветовал тебе на таком пустяке не заикливаться вниманием. А потом, неужели ты думаешь, что мадам Розовская вот так пригласит нас, чтобы мы с тобой осмотрели дом и территорию вокруг него?

– Да нет, конечно, – согласился Ваняшин. А Греку только того и надо.

– Вот видишь, ты правильно понимаешь ситуацию. Снаружи мы ее особнячок осмотрели. Скажу прямо, неплохой скворечник. А теперь нам надо попасть туда, за этот забор и желательнее в непринужденной обстановке все осмотреть там. К тому же, судя по всему, хозяйки дома нет, – улыбнулся хитрющий Грек.

Простодушный Леха Ваняшин уставился на него.

– Откуда ты знаешь, что ее нет? – спросил лейтенант.

Грек обнял своего молодого друга.

– Лешенька, пока ты ходил там перед воротами, рот разевал на молодых девок, Сан Саныч Грек занимался делом. Там на воротах есть такая кнопочка.

Ваняшин хмыкнул.

– Ну и чего? Я тоже ее видел, – сказал он, видя, что Грек задается. Это больше всего не нравилось в нем Лехе Ваняшину. Еще при Туманове, Грек себя ведет не так. А когда они вдвоем, то он поднимает нос, словно у него семь пядей во лбу. Сейчас происходило нечто похожее.

– Лешенька, а я не только видел, но и нажал на нее. Это кнопка домофона. Так вот на мой вызов, никто не ответил. Сечешь, о чем я.

– А что, если эта кнопка сломана? – засомневался Ваняшин. Грек плюнул ему под ноги.

– Фу ты, черт! Достал ты меня, Ваняшин. Не сломана кнопка. Понимаешь? Дурья башка. Не сломана. А не ответила она потому, что ее дома нет.

– Ну ладно. Только бы не нарваться нам на неприятности, – на всякий случай предупредил Ваняшин. На что Грек нервно передернул плечами.

– Ты меня доведешь, – пригрозил капитан. – Не безай, Леха и доверься мне. Сан Саныч Грек знает, что делает. Так что, как говорит наш майор, вперед и с песней, – подтолкнул он Ваняшина к забору.

Ваняшин подошел, наклонился и, схватившись руками за угол упругого рифленого металлического листа, отжал его на себя, тем самым, сделав небольшой лаз.

Грек бухнулся на четвереньки.

– Сейчас я пролезу, потом ты давай за мной.

– А может, ты один там все посмотришь? – предложил Ваняшин, на что Грек тут же бурно отреагировал полным отказом, устыдив лейтенанта:

– Ты, значит, бросить меня хочешь? Нет уж. Давай вдвоем. Так будет лучше. Я, как старший по званию, лезу первый. Ты за мной. Понятно?

– Да, понятно. Ладно, лезь уж давай. А то у меня руки устают лист держать, – пыхтя, проговорил Ваняшин.

– В общем, я полез. С той стороны я упрусь в лист ногами, чтобы ты смог протиснуться, – пообещал Грек. Ваняшин поднатужился.

– Лезь, Грек, – прохрипел он.

Грек сунул башку в дыру и тут же вскрикнул.

– Чего там такое? – забеспокоился Ваняшин.

– Тоже мне, бляха-муха, миллионеры. Крапивы развели тут сколько. Я, Леша, все лицо себе обстрекал об крапиву. А у меня на нее с детства аллергия, – забубнил Грек, протискиваясь в дыру. Для того, чтобы попасть на ту сторону забора, ему пришлось ползти на пузе, и потому капитан испачкал рубашку и брюки.

– Чего ж ты не поглядел, а сразу нырнул туда, раз у тебя аллергия? – позлорадствовал Ваняшин. Эта идея, тайком пробраться на территорию, Ваняшину не понравилась с самого начала. Ведь Туманов ничего не говорил им, чтобы лезть сюда таким образом. Это все усатый Грек со своей инициативой. Сколько раз вот так они прокалывались и все по вине усача. Но его все равно тянет влипнуть в какую-нибудь историю. А из-за него страдает и Ваняшин. И сейчас лейтенант не сомневался, что они опять куда-нибудь да вляпаются.

– Зараза, – шипел Грек, ворочаясь в зарослях крапивы и упираясь в угол железа обеими ногами. – Леша, лезь быстрее, а то я долго держать его не смогу. Но ему долго держать и не пришлось. Ваняшин что есть силы, рванул лист, оторвав его от кирпичного столба, к которому тот был прибит. Теперь получился вполне приличный лаз, в который чтобы пролезть, не обязательно было ползти на четвереньках.

Глянув на свои испачканные брюки и рубашку и на чистенького Ваняшина, Грек рассвирепел.

– А сразу ты так сделать не мог? Я, значит, ползком, как уж, протискиваюсь туда, а ты как баринходишь, только чуть наклонившись, – заорал Грек.

– Так ты маленький. Тебе на четвереньках удобней. А я вон какой. Мне наклоняться плохо, – проговорил Ваняшин, ногой сминая в высоченной крапиве проход.

– Гад, ты, Лешка, – ворчал Грек, топая вслед за Ваняшиным.

Пройдя через сад, изобилующий фруктовыми деревьями, они очутились возле бассейна, где Греку сразу захотелось ополоснуть водой лицо, на котором вздулись волдыри. Глядя на вспухшее лицо ехидного усача, Ваняшину хотелось рассмеяться. В то же время было и жалко Грека. Видок у того и в самом деле был не ахти, а если еще учесть те неприятные ощущения, которые терпел Грек, то смело можно было сказать, что Сан Саныч уже влип по самые некуда. Но еще более неприятное их ожидало впереди.

Стоило Греку подойти к бассейну и опрокинуть себе на вздувшееся лицо пару пригоршней воды, как вдруг стеклянная дверь веранды, располагавшейся от бассейна всего в десяти метрах, открылась и на ступеньки вышла мадам Розовская. На ней был одет длинный до пят ярко-синий халат, расшитый розовыми цветами. Вместо туфель, на очаровательных ножках, обуты пляжные тапочки.

Выйдя, она наклонилась, чтобы поправить резиновый коврик, лежащий перед ступеньками. И этого времени Греку хватило, чтобы в несколько прыжков заскочить в сад, где за здоровенным кустом благоухающего жасмина притаился его приятель Леша Ваняшин.

Грек с разбега грохнулся рядом на траву.

– Вот, сука! – прошипел он, тяжело дыша. – Она оказывается дома.

– А как же кнопка? – язвительно напомнил Ваняшин, так глянув на самонадеянного зазнайку, что тот заморгал своими черными глазенками.

– Леш, ну гадом буду. Говорю тебе, я позвонил. Ну честное слово. Может, эта краля на толчке сидела. А может, пока мы тут с тобой возились в крапиве, она приехала, – высказал он свое предположение.

Ваняшин кивком головы указал на красавицу, которая сбросила халат и осталась, как говорится, в чем мать родила.

– Судя по ней, не скажешь, что она только приехала. Другое дело если спала. Эти жены миллионеров, такие все избалованные.

От увиденного у Грека отвалилась челюсть и он с раскрытым ртом уставился на обнаженную красотку, тут же по достоинству оценив ее формы.

– Леха, глянь. Какая она, – произнес он, захлебываясь от восторга голосом. – Хвалиться не буду. За свою жизнь, я столько баб повидал. Но такую... Глядя на нее у меня в штанах шевеление начинается, Леша. Не вру.

Ваняшин глянул на брюки Грека, особенно на его испачканные колени.

– Так в чем дело? Она одна. Мужа ухлопали. Стаскивай свои грязные портки и ныряй к ней в бассейн, – посоветовал лейтенант. Грек замотал головой.

– Ага, одна. Глянь-ка туда, – кивнул он в сторону веранды.

Ваняшин посмотрел, куда указал Грек.

– Ого. Так вот почему она не отвечала по домофону. Она просто отключила его, – сказал Ваняшин, увидев вышедшего молодого мужчину, единственной одеждой которого были трусы в полоску. Скорее всего, в доме кроме вдовы Розовского и этого типа, никого не было. А потому вдовушке уж явно было некогда слушать позывные домофона.

– Тоже мне, полосатый рейс, – глядя на типа в полосатых трусах, с обидой произнес Грек. Мужчина ему не понравился. Сейчас в Греке разыгралась обыкновенная зависть соперника. В привлекательности Сан Саныч далеко уступал этому типу. И Грека заедало, что он не может позволить себе иметь такую красотку. А этот жлоб, с фигурой Аполлона, может. Так распределила жизнь. Кому-то, как таким все, а такому, как Сан Саныч, ничего.

Грек с отвращением сплюнул в сторону.

– Ты чего? – не понял Ваняшин.

– Ни хера. Документы надо у этого хлюста проверить. Тоже нашелся утешитель. Кто он такой и чего тут делает, – раздраженно сказал Грек, наблюдая за тем, что происходит у бассейна.

– Документы говоришь? Что, прямо так и выйдешь? – спросил Ваняшин.

– А чего ж? – нахмурившись, ответил Грек.

– А как ты объяснишь им свое появление тут? Вроде нас с тобой никто сюда не приглашал, если мне не изменяет память. Да и харя у тебя...

– Ну ты, – угрожающе зашипел Грек. – Ты мою харю не трожь. Я за нас двоих пострадал. Понял? Только тебе ничего, все как с гуся вода, а мне вот, – показал он Ваняшину свое распухшее лицо.

Ваняшин глянул в узкие прорези, из которых виднелись черные глазенки Грека, и вздохнул.

– Да, Сан Саныч, с такой мордой ты теперь похож на японского цыгана.

Грек не ответил. Сейчас его внимание целиком было нацелено на то, что происходило в бассейне. Там плескалась очаровательная русалка. Она, то подныривала в голубую воду, то появлялась на поверхности, переворачиваясь на спину и раскинув в стороны руки и ноги, являла Греку с Ваняшиным всю прелесть своего тела, глядя на которое у обоих оперов захватывало дух.

Увидев подошедшего к краю бассейна мужчину, русалка подплыла к нему и, вытянув из воды руки, рывком сдернула с него полосатые трусы. Ухватив мужчину за бедра, она наклонила голову. Ее растрепанные, намокшие волосы, прилипли к плечам, загородив для

Грека с Ваняшиным обзор того, что она сейчас производила своими губами, но оперативники и так догадались. А стоявший перед русалкой голый мужчина запрокинул от удовольствия голову, возбужденно задышав.

– Ты видел, как она заглотнула его наживку? – зашептал Грек. Ваняшин промолчал. Сейчас его больше занимал Грек, который забыв про осторожность, высунул свою башку из-за куста жасмина, за которым они спрятались.

– Куда ты лезешь, Сан Саныч? Они ж тебя заметят, – озабоченно прошептал Ваняшин, дернув Грека за руку, отчего тот грохнулся на землю.

– Сдурел что ли? – обиделся Грек. – Ни хрена они не заметят. Им сейчас вообще не до чего. А я из-за тебя чуть руку не распорол.

– Обо что, это ты ее чуть не распорол? – машинально спросил Ваняшин, не отрывая взгляда оттого, что происходило возле бассейна.

– Сам не пойму. Железка что ли какая-то в траве, – прошептал Грек, шаря рукой по траве. И тут же Ваняшин услышал его восторженный возглас: – Леха, глянь.

Все еще продолжая смотреть за лаской молодой самки, ублажающей похотливого самца, Ваняшин спросил с неохотой:

– Что, еще один жлоб в полосатых трусах?

– Какое там, – отмахнулся Грек. – Я часы нашел. Вот тут в траве. Это я об них руку ударил. Смотри. – Он показал приятелю Лехе находку, от вида которой Ваняшин с завистью охнул.

– Ого. «Роликс». Новенькие, – Ваняшин вырвал из рук Грека найденные часы, перевернул и на обратной стороне прочитал гравировку: – Уважаемому Аркаше от закадычных друзей, – хмыкнул, призадумавшись. – Интересно, кто такой, этот уважаемый Аркаша, которому дарят такие часики?

– Откуда я знаю, – огрызнулся Грек, недовольный, что Ваняшин отобрал у него найденные часы. Теперь происходящее на краю бассейна его не интересовало вовсе. Он беспокоился о часах. Не доверял Ваняшину. Уж слишком заблестели у того глаза, когда увидел найденные Греком часы. Теперь старается заболтать Сан Саныча своими дурацкими вопросами, навроде того, кто такой Аркаша? Лично Сан Санычу наплевать, кто такой Аркаша. Часы нашел он, стало быть, и находиться они должны у него. А гравировочку и подправить можно. И вместо Аркаши, будет написано – Саша. Вот они, настоящие друзья. Скинулись, с миру по нитке, другу на часы. От Ваняшина с Тумановым такого не дожدهшься. Подумав об этом, Грек вздохнул.

А Ваняшин повертев часы в руках, уже собирался сунуть их к себе в карман, да вовремя Грек его остановил.

– Ты, это чего, Леха? – вытаращил глазенки Грек.

– Может эти часы, вещественное доказательство. Улика. Может, они имеют отношение к убийству Розовского, – заключил Ваняшин, имея твердое намерение положить часы в свой карман. Но Грек мертвой хваткой бультерьера вцепился ему в руку.

– Разве Розовского, Аркашей звали? – напомнил Грек.

– Ну не Аркашей, и что с того? – равнодушно спросил Ваняшин.

– А ничего. Если даже эти часики являются уликой, то пусть полежат в моем кармане. Так что ты губы не раскатывай. Отдай, – решительно произнес Грек.

Ваняшин разжал свою руку.

– Пожалуйста.

Получив назад часы, Грек успокоился. Они с Ваняшиным повернули головы к бассейну и увидели, что вдова Розовского вместе с мужчиной уже поднимались по ступенькам веранды.

– Уходят в дом, – сказал Грек, доставая из кармана пачку сигарет. – Можем спокойно перекурить. Веришь, так затянуться захотелось, что во рту все пересохло, – проговорил он, протянув одну из сигарет Ваняшину.

– Ну и чего мы дальше будем делать? – спросил Ваняшин, посмотрев на незакрытую дверь веранды.

Заметив, куда лейтенант смотрит, Грек прищурился, глянул тоже туда, потом, поразмыслив немного, предложил:

– Ну, а чего делать, посмотреть бы надо в доме.

– Чего? – удивился Ваняшин такой наглости, а вернее тому безрассудству, которое захлестывало усатого капитана. – Но ведь хозяйка в доме. И этот...

На припухшей физиономии Грека появилась хитрющая улыбка.

– Ха, Леша. Им не до нас. Лежат, небось, на кроваточке, чистенькие, накупанные и предаются любовным утехам. А мы тем временем зайдем, посмотрим, что да как там. Майор-то наш в прошлый раз ничего толком не наглядел. Вдовушка его дальше гостиной не пустила. Говорил я тогда ему, давай я пойду. Я бы и ее вывел на чистую воду и посмотрел, что там у них в доме. Сдается мне, вдовушка-то не шибко переживает о своем убиенном муже. Неделя не прошла, а она уже передком перед любовником крутит. Стерва.

– Постой, – остановил Ваняшин Грека. – Но ты же сам уверен, что ее мужа замочил его водитель Ищенко.

Грек нахмурился, отчего стал похож на сердитого самурая готового вот-вот выхватить острый меч.

– А может вдова и этот ее садун заодно с водилой. Устранили Розовского, чтоб не мешал их любовным утехам. Ведь теперь согласно завещанию все движимое и недвижимое имущество перейдет этой козе. А оно, поверь, немалое. И ей хватит. И ее садуну. Нет, Леха, – вздохнул Грек, приканчивая сигарету, – нам с тобой, хочешь или нет, а попасть в дом надо. Дверь не закрыта. А потом, мы же с тобой не воры, какие-нибудь много не возьмем. Если уж так, по чуть-чуть, – хохотнул Грек, выбираясь из-за куста.

– Ну, что ж. Пусть будет по-твоему, – вздохнул Ваняшин, вынужденный принять условия предложенные капитаном Греком.

Грек первый вошел на веранду и осмотрелся. Никогда не видел такого изобилия комнатных цветов.

– А чего вдовушке еще делать, как не цветочки выращивать. На работу она не ходит, – сказал Грек, когда Ваняшин выразил свое восхищение по поводу диковинных цветов, стоимость которых явно тянула не на одну сотню баксов. – Ты только особенно рот по сторонам не разевай. Топай за мной, не отставай. – Грек шагнул к двери и тут же отпрянул назад, натолкнувшись на Ваняшина и умудрившись наступить тому на ногу. Чтобы удержать равновесие, рослый лейтенант взмахнул руками и при этом одной рукой зацепил настенный цветник, нечто стеллажа, состоящий из нескольких полок, на которых стояли горшочки с редкими цветами.

Не успел Грек охнуть, как вся эта махина, приставленная к стене, рухнула на пол, засыпав ковер землей и опрокинутыми из горшков растениями.

– Ну ты, бляха-муха и слон, – обругал Ваняшина капитан Грек.

– Так ты же сам меня толкнул, – попытался оправдаться Леха Ваняшин. Хотя после всего случившегося, это было делом бесполезным. Бросив взгляд в приоткрытую дверь, ведущую в комнату, он увидел мадам Розовскую лежащую на диване с задранными кверху ногами и нависшее над ней потное тело любовника, задница которого то и дело вздрагивала от интенсивных толчков.

Грек едва не ввалился к ним в комнату. В последний момент все-таки сумев круто изменить траекторию своего движения, чего нельзя было сказать про Леху Ваняшина. Теперь Леха должен выглядеть перед хозяйкой не самым лучшим образом.

– Это все из-за тебя, японец недорезанный, – огрызнулся Ваняшин на Грека.

Услышав шум на веранде, Инна Розовская тут же выскользнула из-под любовника и, набросив на плечи халат, вышла. Увидев усатую морду с узкими прорезями черных глаз, испуганно ойкнула, соображая, как этот человек и стоящий за ним громила могли очутиться тут.

На ее голос из комнаты выскочил и любовник. Его мокрые полосатые трусы остались возле бассейна, поэтому он появился, завернувшись в простыню.

– Что здесь происходит? – грозно спросил любовник, вознеся руку над Греком, собираясь хорошенько встряхнуть усатого за шкуру. Но, заметив высоченного широкоплечего Ваняшина, стоящего чуть позади, эта рука описала над головой Грека всего лишь полукруг и схватилась за конец простыни. Позировать своим обнаженным телом перед этими двоими любовник, как видно, не собирался.

Видя, что опасность миновала, Грек сказал деловито:

– Спокойно. И не надо делать резких движений, гражданин. Мы из милиции. Я – капитан Грек, – поняв, что оговорился, Грек тут же сказал: – То есть, Греков. А это, – обернулся он и кивком головы указал на стоящего позади Ваняшина, – мой помощник, лейтенант Ваняшин.

Но Инна Розовская, казалось, не слушала Грека. Она стояла и изумленными глазами, из которых вот-вот должны брызнуть слезы, смотрела на разбросанные по ковру цветы.

– Боже мой, – простонала она. – Греков, вы даже не представляете, сколько стоят эти цветы. Моему мужу доставляли их со всех уголков света. Причем, за большие деньги. Он их лелеял, как собственных детей. А вы вот так, раз и все, – Инна обречено опустила голову, словно стоящий перед ней усатый Грек был не капитаном милиции, а палачом, топор которого неминуемо должен опуститься на ее красивую шею.

Видя, что такого не предвидится, Инна подняла голову, в упор глянув на Грека так, что тот попятился, опять наступив на ногу Лехе Ваняшину.

– Извините нас, мадам, – Грек хотел улыбнуться, но улыбка получилась настолько отвратительной, что Инна Розовская со вздохом отвела взгляд. Но продолжалось так недолго. Уже через пару минут, не обращая внимания на то, что ее халат распахнулся, она уставилась в отвратительную рожу Грека и со злостью прошипела:

– Как, как вы попали сюда? – За этими ее словами скрывался другой, более глубокий смысл. За каким чертом эти двое олухов пробрались в ее покои? Но будучи девушкой воспитанной, Инна воздержалась от грубостей.

– Мы? – опять улыбнулся Грек, пытаясь сразить сердитую хозяйку своей улыбкой. И, кажется, у него получилось. Инна застонала, отворачиваясь.

– Вы. Вы, капитан Грек, то есть Греков. И ваш молодой лейтенант Ванечкин. – Она неправильно назвала фамилию Ваняшина, и Грек посчитал своим долгом поправить ее. Пролепетал:

– Ваняшин он, – кивнул он на приятеля Леху.

Женщина резко обернулась.

– А по мне хоть Иванов. Петров. Или Сидоров. Как вы вошли сюда? – Вопрос был задан так, что любой бы на месте Грека смутился. Но только не Грек. Не моргнув глазом, Сан Саныч Грек соврал:

– Обыкновенно. Через дверь, как все нормальные люди.

– Через дверь? – переспросила вдова, и ее лобик неприятно сморщился. Она повернулась и уставилась на любовника, требуя от него объяснений.

Но сначала тот захлопал глазами, потом пожал плечами и только потом неуверенно проговорил:

– Может я, когда входил, позабыл запереть калитку в воротах. Торопился.

– Идиот, – решительно и довольно безапелляционно высказалась о нем разъяренная вдовушка и тут же глянув на Грека, спросила: – А почему вы не воспользовались услугой домофона. По-моему, он предназначен для подобных целей. Вам надо было сообщить мне о своем визите.

– Я пытался, – сказал Грек, чувствуя себя еще более уверенней, после того, как любовник взял вину с дверью на себя. Теперь уже даже если бы десять человек попытались уличить Грека во лжи, он бы как гора стоял на своем.

– Наверное, домофон у вас отключен. Или неисправен, – сказал Грек.

Инна Розовская кивнула, вспомнив.

– Правильно. Отключен, – сказала она со вздохом.

– Вот видите, – обрадовано произнес Грек. – К чему тогда все эти вопросы?

Заметив, что Ваняшин наклонился и пытается запахнуть цветы обратно в горшки, Инна Розовская махнула рукой.

– Оставьте, лейтенант.

– Мне не трудно. Я все поправлю, – смущенно улыбнувшись, сказал Ваняшин. Инне Розовской он был намного симпатичней, чем этот черноусый капитан, показавшийся ей первостатейным наглецом, каких свет не видел.

– Вынуждена вас разочаровать, – сказала Инна Ваняшину. – Но поправить вам ничего не удастся. Для этих цветов нужен особый грунт. А тут все перемешалось, – кивнула она на рассыпанную по ковру землю.

Потом Инна повернулась к Греку и холодно глянув в его черные глаза, с высокомерием сказала:

– Ну раз уж вы здесь, капитан Грек...

– Греков, – поправил вдову Грек.

– Хорошо, – охотно согласилась красавица. – Греков. Так я слушаю, что привело вас сюда, в мой дом? – особенно подчеркнуто произнесла Розовская последнюю фразу, касающуюся ее дома, и выжидающе уставилась на Грека.

А Грек молчал, потому что не знал, что сказать.

Видя, что время идет, а Грек молчит, на выручку ему пришел Леха Ваняшин.

– Как вы знаете, идет следствие по факту убийства вашего мужа...

Инна молча кивнула, внимательно прислушиваясь к каждому слову, произнесенному лейтенантом Ваняшиным.

– Мы как раз занимаемся этим делом, – продолжил Ваняшин.

На этот раз вдова Розовского молчать не стала.

– Насколько я знаю, вы задержали Ищенко. Он подозревается в убийстве Лени, – сказала она, при этом пытливо взглянув на Ваняшина.

Ваняшин кивнул, улыбнувшись, про себя отметив, неплохую осведомленность вдовушки и сказал:

– Да. Задержали. Но следствие еще не закончено.

Инна Розовская нервно повела плечами, запахнувшись в халат, тем самым прикрывая наготу от глаз оперативников.

– Не понимаю, чего с этим тянуть. Есть убийца. Есть улики доказывающие его вину, – проговорила она, капризно вздернув аккуратненький носик.

– Минуточку, – тут же встрял в разговор Грек. – А откуда вам известно про улики, доказывающие вину Ищенко? – спросил он и заметил, как метнулся в сторону взгляд красотки. Прикусив губку, она сказала:

– Ничего удивительного в этом нет. Раз вы задержали Ищенко, стало быть, есть улики против него. Иначе вы бы его отпустили. Разве не так?

Грек мотнул взъерошенной башкой.

– Ну, вообще-то, вы правы. Все так, – признался капитан. А Инна наградила его улыбкой.

– Вот видите. И не стройте, пожалуйста, никаких иллюзий по отношению ко мне, – сказала она и тут же добавила: – Так с чем вы пожаловали сюда?

– Мы-то? – Грек почесал затылок.

– Вы, вы, – кивнула Инна.

– Да мы, собственно, хотели узнать, может, вы нам сообщите, что-нибудь нас интересующее, – сказал Грек.

Инна Розовская отрицательно покачала головой и развела при этом руками.

– Извините. Но в прошлый раз ваш майор так подробно меня обо всем расспрашивал, что мне нечего добавить.

– Понятно, – протянул Грек, сожалея, что толком так и ничего не удалось рассмотреть в доме Розовских. Даже на первом этаже коттеджа они с Ваняшиным побывали не везде. А если выражаться точнее, не были нигде, кроме веранды. И все это из-за Ваняшина. Ну чего ему взбрело в башку, хвататься за цветник. Лучше бы уж сам упал. Ничего бы страшного не случилось. На полу – ковер, значит, больно бы не ушибся, да и отряхаться бы не пришлось. А так теперь, наделали они делов. Наверняка, эта стерва будет звонить в управление, жаловаться. Припугнуть бы ее как следует, да нечем.

Грек строго глянул на приунывшего любовника, замершего у дверей как статуя. Не худо бы перед уходом документики проверить у этого хлюста. Грек ненавистным взглядом смерил любовника с головы до ног. Вроде ничего особенного в нем нет. Ну ростом повыше его, Грека, будет. Ну в плечах пошире, и выглядит поздоровее. А вот чего у него между ног, этого Грек видеть не мог. Скрывала простыня. Но, судя по тому, что он очень нравится вдовушке, значит штукавина там приличная. Мысль об этом вызвала у Грека откровенную зависть. Вот этого хлюста Бог ничем не обидел, наградил как следует, а Греку в достояние достались только черные усы. Но на усы сейчас не одна дурочка не купится. И вздохнув протяжно, Грек сказал:

– Ваши документы, сэр? Мне не терпится в них заглянуть.

Видя нерешительность своего любовника, Инна раздраженно проговорила:

– Ну, что ты стоишь? Не задерживай господ сыщиков. Они торопятся. – В ее словах звучал откровенный намек, но Грек сделал вид, что намек этот их не касается, сказал:

– Да нет. Мы особенно не торопимся. Я бы даже попил чего-нибудь холодненького. На лице-то вон, какая жарница.

Инна повернулась к уходящему в глубину комнаты любовнику и бросила ему в спину:

– Виталик, захвати, пожалуйста, из холодильника пару банок пива. Господа изнемогают от жажды.

Лично Ваняшин от жажды не изнемогал. Да и судя по Греку, не скажешь, чтобы он так сильно хотел пить. Скорее, Грек просто зачем-то тянет время. Но от предложенной банки пива, Ваняшин отказываться не стал. А Грек заглянул в паспорт, который ему учтиво подал любовник вдовушки, Виталик.

– Значит, вы у нас – Казанец Виталий Романович, – прочитал Грек в паспорте.

– Послушайте, Казанец, – обратился Ваняшин к любовнику вдовы, – а почему вы назвали чужой фамилией, когда я с вас брал объяснение в день убийства Розовского. Помните меня? Вы стояли позади толпы, звонили кому-то по сотовому.

Глазенки у Казанца воровато забегали, особенно, когда Грек подозрительно взглянул на него. Сам Виталий думал, что опер не запомнил его. Этот долговязый лейтенант тогда

подходил ко многим, не только к нему. Но, как оказалось, память у сыщика отменная. Почувствовав испарину на спине, Виталик поежился, поймав на себе укоризненный взгляд Инны Розовской.

– Понимаете, – заговорил он сбивчиво, – я и Инна Вадимовна, любим друг друга...

При этих словах любовника Ваняшин глянул в глаза вдовы и не заметил в них особенного чувства по отношению к любовнику. Скорее, он был ей нужен, как средство для удовлетворения сексуальных потребностей. Судя по тому, что у него спрятано под краем простыни, средство это приличных размеров. Но сейчас Ваняшин решил не загружать себя отвлеченными мыслями, чтобы не прослушать главное. А главное заключалось в том, что любовник имел немолодую жену, от которой тщательно скрывал любовную связь с Инной Розовской.

– А еще я боялся бросить тень на Инну Вадимовну, – сказал Казанец.

– А может, ты боялся, что мы тебя заподозрим в причастности к убийству? – бесцеремонно, без фамильярностей, спросил Грек.

Казанец вздохнул.

– Может и так. Да и не знаю я ничего такого, что помогло бы вам разыскать убийцу. Поэтому я и посчитал, что лучше назваться вам другой, чужой фамилией. Ведь от этого ничего не изменится. Так ведь? Все эти ваши бумаги, чистая формалистика. Ну скажите, так ведь? – спросил он у Грека.

Грек сурово глянул на любовника вдовы.

– Не скажите, гражданин. Случается, в объяснениях граждан мы можем почерпнуть очень нужную и полезную информацию.

Когда они вышли из дома и проходили мимо бассейна, Грек увидел лежащие на скамейке полосатые трусы Казанца. За это время они уже высохли под солнцем. Проходя мимо, Грек чуть замедлил шаг и плюнул на них.

Ваняшин посмотрел на такую пакость приятеля с осуждением.

– Это уж совсем ни к чему, – сделал он замечание Греку, на что тот сразу бурноотреагировал:

– Тоже мне, нашелся гуманист. Да его бы в камеру запихнуть суток на пятнадцать надо, чтоб в следующий раз не обманывал оперативных работников. Если он в этом соврал, стало быть, и в другом может. Нет, Леша, таким верить нельзя. Видал он титьки какой бабе мнет. Мы с тобой о такой принцессе можем только ночью во сне помечтать. Хотя ты еще может, туда сюда, сгодишься для нее. А я... – Грек безнадежно махнул рукой, помолчал, потом сокрушенно добавил: – Нет, Леша, где такой хохол, как Казанец прошел, там нам с тобой русским делать нечего.

Ваняшин покосился на усатую распухшую харю Грека. Наверное, тот забыл, что сам он смуглый, с черными волосами и такими же черными глазами, скорее смахивал на цыгана, считал себя потомком из далекой Греции и при случае не упускал похвалиться этим. Но напомнить Греку об этом лейтенант сейчас не решился, чтобы не сделаться кровным врагом Сан Саныча Грека. Тем более, что в паспорте у того, в графе о национальности, сделана запись, что Грек действительно русский.

Достав из кармана банку с пивом, Грек, улыбнувшись, подкинул ее в руке. Разок. Другой.

– Ладно. Хрен с ними со всеми. Зато мы с тобой, Леша, по банке пива скалымили, – проговорив так, Грек выронил из руки банку, и та, упав на мраморные плитки, отшлифованные до блеска, покатила к воротам.

– Вот тебе и дармовщинка, капитан. Из рук валится – посмеялся над приятелем Леша Ваняшин. Обернувшись, он глянул на одно из окон дома и увидел в нем Инну Розовскую. Девушка стояла у окна, держа в своих изящных пальчиках длинную сигарету, и наблюдала за оперативниками.

– Нас, кажется, провожают, – сказал Греку лейтенант Ваняшин.

– Плевать, – с безразличием отозвался на это Грек, наконец-то подхватив оброненную банку с пивом.

В другой руке Инна держала пульт дистанционного управления воротами. Стоило операм подойти к воротам, как она нажала одну из трех кнопок, и металлическая калитка в воротах, обитая лакированными досками, бесшумно раскрылась, выпуская Грека с Ваняшиным с территории. Только они вышли, и калитка также бесшумно закрылась, отгораживая райский уголок с зелеными лужайками, с клумбами благоухающих цветов, ухоженным садом и бассейном, от остального мира.

– Живут же люди, – оглядываясь за закрытые ворота, с завистью произнес Грек, тут же откупорив банку с пивом.

– Видишь ту машину, – услышал он голос Лехи Ваняшина.

– Какую? – завертел Грек головой и увидел стоящий метрах в десяти от ворот серый «Фольксваген». Старая машина выглядела брошенной, потому Грек и не сразу обратил на нее внимание. И только приглядевшись, увидел сквозь затемненные стекла, что в салоне кто-то есть.

– Эту что ль? – спросил он у Ваняшина.

– Эту, эту, – ответил приятель Леха.

– А чем она тебя заинтересовала? Тем, что на ней нет номеров?

– Да она-то ничем. А вот те, кто сидят в ней. Сдается мне их там двое, – присмотревшись, сказал Ваняшин. Грек на это только пожал плечами.

– Ну и что с того? Подумаешь, сидят. Может там парень девчущечку прижал и пялит потихоньку. А, Леха? – легонько толкнул Грек приятеля Леху в бок. – Сам что ли не такой? Признавайся.

– Уж слишком долго он ее пялит. Мы здесь, сколько с тобой крутимся? – спросил Ваняшин, глянув на часы. А Греку и глядеть не надо. И так знает.

– Ну, примерно, часа три с половиной, – сказал он Ваняшину.

– Вот. И все это время они тут сидят и смотрят, между прочим, на ворота мадам Розовской, – проговорил Ваняшин.

Лицо усатого капитана сделалось задумчивым.

– Насколько я тебя понял, ты хочешь сказать, что они секут за домом вдовы? – проявил Грек сообразительность, чем немедленно вызвал похвалу.

– А ты, оказывается, смысленый, – сказал Ваняшин. Сам же Грек на это отреагировал своеобразно. Точно шмель, зашевелив усами, сказал сердито:

– Ладно, летеха. Давай, без намеков. Лучше скажи, чего ты предлагаешь?

Ваняшин пожал плечами, призадумался.

– Пробить бы эту машину надо по линии ГАИ. Узнать, кому принадлежит. Да номера на ней нет.

Грек усмехнулся этому предложению.

– А не проще ли подойти и потребовать у водителя документы, – брякнул он.

Ваняшин на это глянул без энтузиазма.

– А основания у тебя для этого какие? Ты что, работник дорожно-патрульной службы?

– Плевать, – допив пиво, Грек выплюнул горьковатую слюну и бросил на газон пустую банку. – Не нужны мне основания. Ну, если уж ты так придерживаешься законности, то основанием есть расследование убийства Розовского. Его где шлепнули?

– Да здесь, как раз на том месте, где мы стоим, – указал Ваняшин на дорожку, выложенную мраморными плитками до самой проезжей части улицы.

Грек улыбнулся понятливости приятеля.

– Ну вот тебе и основания, – сказал он и бойко направился к старому «Фольксвагену».

Ваняшин не стал возражать, а тем более перечить Сан Санычу Греку. Наверное, Грек знает, что делает. Да и по-своему он прав. А иной раз и в самом деле, настырность проявить не грех. Хотя бы вот как сейчас. Узнать, почему эти хорьки раскатывают на машине без номеров. И ведь не просто так раскатывают. Явно с умыслом. И пока не понятно, кого же они, все-таки, тут пасут, вдову Розовскую или ее любовника с фигурой античного атлета. Может их жена Казанца наняла, проследить за неверным мужем.

Лейтенант откупорил свою банку, поглядывая за тем, как Грек лихо подошел к машине, чуть наклонился к боковому окну. Стекло в двери медленно поползло вниз.

Сидящий за рулем мордастый парень, не вынимая изо рта сигарету, спросил с неохотой Грека:

– Тебе чего надо, мужик?

Такое обращение ничуть не оскорбило Грека, а даже развеселило. Облокотившись одной рукой на дверь, он с улыбкой сказал:

– Это я вас, голубки, хотел спросить, чего вы тут торчите битых три часа? Кого пасете, любезные? Попрошу с ответом не затягивать, чтобы у меня не лопнуло терпение. А заодно и документы свои предъявите.

Мордастый парень, казалось, в первую минуту опешил, раскрыл рот, выронив сигарету и захлопал здоровенными глазищами на Грека.

– Чо? Ты кого это голубками обозвал, козел. По-твоему, мы голубые? – грозно зазвучал его басистый голос.

Грек ответить ничего не успел. Единственное, что он успел, так это перестать улыбаться. Взгляд его черных глаз сделался печальным, в предчувствии нехорошего. Потому что тут же из окна вылетел здоровенный кулачище мордастого парня и саданул Грека прямо в челюсть.

Ваняшин услышал, как у капитана лязгнули зубы. Грек взвыл от боли и повалился на траву. Банку с недопитым пивом Леха Ваняшин швырнул в сторону и бросился к «Фольксвагену», но сделать обидчикам Грека ничего не сумел. Машина хоть и выглядела на вид старой, но мотор у нее оказался в полном порядке. Едва мордастый повернул ключ в замке зажигания, мотор взревел, и Ваняшин не успел преодолеть и половины расстояния до него, как «Фольксваген» сорвался с места и за каких-то несколько секунд набрал бешенную скорость, уносясь вдаль.

Лейтенант подошел к Греку, помог ему подняться.

– Ну, суки! Жаль пистолета не захватил, а то бы застрелил гада. Так мне по зубам заехал. Леша глянь-ка, все зубы на месте? – разинул Грек рот, и Ваняшин увидел окровавленные десна.

– Да все целы. Не переживай, Сан Саныч, – попытался он успокоить Грека, отчего тот чуть не пустил слезу.

– Да как же не переживать-то? Я ведь с ними по-хорошему, по-человечески. А этот гад мне сразу по зубам. Ну если встречу еще раз его, убью, как собаку, – пригрозил Грек, вглядываясь в конец улицы, где от «Фольксвагена» на дороге осталось легкое облачко пыли.

– Ладно, Сан Саныч. Пойдем отсюда. А то уже на нас и так глядят, – посмотрел Ваняшин по сторонам, замечая любопытные лица соседей Розовских.

Глава 3

Инна Розовская рассердилась не на шутку наглостью оперативников. Едва только закрылась за ними калитка в воротах, она отыскала оставленную майором Тумановым его визитку и схватилась за телефон.

– Инночка, солнышко. Может не надо куда звонить, – попытался ее уговорить Виталий облачаясь в свою одежду. Но женское самолюбие было задето, и задето здорово.

– Отстань, идиот. Я в твоих тухлых советах не нуждаюсь. Мало того, что они ворвались в дом неизвестно каким образом, так еще и загубили цветы. А ты знаешь, сколько они стоят? Это же Ленина коллекция. Другой такой нет.

Честно говоря, Виталию было наплевать и на эти загубленные цветы и на то, сколько они стоят. Его больше заботила собственная участь. Что, если этот усатый капитан, донесет о его похождениях жене. Уж слишком у него рожа не внушает доверия. Глаза плутоватые. Таким верить нельзя.

С тех пор, как Виталий Казанец удачно женился на Ольге Лагутиной, жизнь его круто изменилась. Во-первых, не надо было, как раньше заботиться о хлебе насущном и ломать голову, как заработать пару сотен баксов. Жена его зарабатывала столько, что денег им хватало вполне на жизнь. А во-вторых, после женитьбы, Виталий не утратил свободу. Казалось, занятую бизнесом женушку мало интересовало, чем занимается ее муж в то время, как она заколачивает деньги. Утром она, как и многие на их улице, уезжала на работу и возвращалась поздно. Если не шибко уставала от дел, то позволяла Виталию заняться с нею любовью. Но случалось, это не часто. Ольга была на пятнадцать лет старше Виталия.

Свою жену, Казанец не любил, если не сказать больше, он ее ненавидел. Но терпел, из-за ее денег. Хотя теперь, когда Инна Розовская овдовела, можно было изменить свою жизнь. По крайней мере, денег у молодой любовницы во много больше, чем у его некрасивой жены. Вот только с Инной он еще не переговорил о том, чтобы окончательно перебраться к ней. Выжидал удобного момента, раздумывая над тем, что может молодая вдовушка сама предложит ему такой вариант. Но она пока не предлагала.

Инна набрала номер майора Туманова и рассказала ему о визите Грека с Ваняшиным. Причем, рассказ ее был подан, как жалоба, на незаконные действия сотрудников уголовного розыска. Она могла бы написать хорошенькую заявку в городскую прокуратуру. Пригласить для большей убедительности парочку соседей, чтоб подписались. Но не захотела поднимать шумиху. Наказать наглецов, безусловно, надо, но несильно. Так пусть это сделает майор Туманов. А цветочную коллекцию погибшего мужа все равно не вернуть. Да и не нужна она Инне. Неохота ей ухаживать за этими всеми цветочками с лепесточками. Теперь есть веский повод выбросить их на улицу.

К тому же майор Туманов отнесся к устному заявлению несчастной вдовы с пониманием и обещал хорошенько наказать своих оперов. Каким будет это наказание, Инна не знала, да и не хотела знать. Ее самолюбие было удовлетворено обещанием майора. И она успокоилась, положив трубку на аппарат.

Увидев перед собой Виталия уже одетым, обиженно поджала губки.

– Может, останешься? – спросила на всякий случай. Больше всего в таких мужчинах ей не нравилась их нерешительность. Хотя, если призадуматься, женщина из этого может извлекать невероятную пользу. Держать такого красавца под каблуком и допускать до себя тогда, когда ей этого сильно хочется. А у Виталия есть одно важное достоинство. Природа его наградила приличным членом, который служит своему хозяину безотказно. Такая секс-машина, просто сокровище для женщин. Инна вовремя разглядела в нем это достоинство и приблизила к себе, привязав невидимыми путями.

– Не могу, Инночка. Время уже много. Вдруг жена вернется. Она хоть и не ревнует меня, но все-таки. Лучше избежать излишних подозрений. Правда? – он подошел, обнял Инну и поцеловал в губы.

– Правда, – сказала Инна, после поцелуя облизав влажные губы. – Ладно, иди. Я пойду, искупаюсь в бассейне. Ты захлопни дверь в воротах, – попросила Инна.

В ответ любовник кивнул, послав ей при этом вместе с улыбкой воздушный поцелуй. Инна сделала вид, будто немного рассержена его уходом и даже погрозила пальчиком. И провожать его не стала. Слишком много чести будет. Еще чего доброго начнет зазнаваться. Любовника, как преданную собаку, лучше держать на поводке. А дашь слабинку, он начнет зазнаваться. Такого Инна допустить не могла.

Сбросив халат, она голая, пошла к бассейну. После бурного секса, захотелось поплескаться в воде. Да и гигиену следует соблюдать. Ее пот. Пот Виталика. Все это надо смыть. И потом совершенно чистой упасть в постель, под одеяло из лебяжьего пуха, и со счастливой улыбкой заснуть.

Нет, все же жизнь прекрасна. Все идет, движется так, как надо. И даже смерть Леночки не нарушила этот естественный ход. По большому счету, с его смертью, для Инны ничего ужасного не произошло. И что с того, что теперь ей не придется таскаться на разные приемы для избранных, где намалеванные куклы, из ревности ненавидят друг друга и при этом подбостранно растягивают в улыбке рты. Инне все это надоело до чертиков. И смерть мужа только избавила ее от посещения подобных мероприятий.

Прежде, чем прыгнуть в наполненный до краев бассейн, она остановилась и сделала глубокий вдох, по достоинству оценив ту свежесть, которая исходила от воды. Потом закрыла глаза, и широко раскинув в стороны руки, рухнула вниз, почувствовав себя свободной. Наверное, с таким же ощущением свободы белокрылые чайки парят над морской пучиной. Нечто подобное испытывала и Инна. Ей нравилось, раскинув в стороны руки и ноги, подолгу лежать на спине и смотреть в предвечернее небо, где в далекой вышине, если хорошенько приглядеться, можно заметить мириады вспыхивающих звезд.

Прежде, чем открыть электронный замок на двери ворот, Виталик оглянулся, посмотрел на окно комнаты, где была Инна. Хотелось увидеть ее лицо и чтоб она непременно помахала рукой. Мужчине всегда приятно женское внимание. Но на этот раз Виталик его не получил. Инны в окне не было, и он огорченно отвернулся. Отпер замок, вышел, и только хотел захлопнуть дверь, как просила Инна, увидел подходящего к воротам мужчину на вид лет сорока с небольшим. Чуть в стороне стоял серый «Фольксваген».

Все это настолько было неожиданным, этот подошедший человек, и стоящая машина, что у Виталика взволнованно застучало сердце. Так оно у него трепетало, когда он впервые пришел на свидание к Инне и, целуя ее в губы, как мальчишка желающий побыстрее добраться до сокровенного, раздевал. Но сейчас...

– Одну минуту, молодой человек, – вежливо прозвучал голос незнакомца. – Подождите, не закрывайте дверь.

Этот незнакомец имел явное намерение попасть внутрь территории, а Виталик не знал, как поступить. С одной стороны не хотелось показаться не учтивым, а с другой, знает ли Инна о его визите. Пока озадаченный его появлением Виталик размышлял, мужчина подошел и взялся рукой за дверную ручку. Теперь уже и вовсе, если бы Виталик захотел закрыть калитку в воротах, у него бы это не получилось. Жилистая рука мужчины, цепко держала дверную ручку. И Виталику ничего другого не оставалось, как задать пусть и не корректный, но, по его мнению, вполне своевременный вопрос:

– Скажите, а Инна Вадимовна в курсе о вашем визите?

Мужчина уверенно кивнул седеющей головой.

– Ну разумеется. Стал бы я беспокоить ее без приглашения особенно, когда она окончательно отошла от траура, – проговорив так, мужчина испытующе глянул в глаза Виталику, и тот, не выдержав этого взгляда, опустил глаза. Кроме того, что этот незнакомец осведомлен о смерти Леонида Степановича Розовского, так он еще вроде как догадался, зачем Виталик заходил к несчастной вдове. И в то же время, прямо от сердца отлегло. Может он и не посторонний для Инны. И если это так, то нет повода, беспокоиться за его визит. Просто на всякий случай надо будет позвонить Инне на сотовый, что Виталик и решил незамедлительно сделать, как только отошел от ворот. Оглянувшись и заметив, что мужчина вошел, оставив дверь чуть приоткрытой, он достал свой мобильник и набрал номер сотового телефона Инны.

Долгие чуть приглушенные гудки известили о том, что Инна не намерена вступать с ним в разговор. Дойдя до своего дома, Виталик заметил, что в кухне горит свет. Жена видно уже вернулась и суетилась с ужином.

– Черт бы побрал этих баб. Что одну, что другую, – сердито произнес он, злясь на жену за ее раннее возвращение, а на Инну, что не берет трубку.

Оставив дверь в воротах незакрытой, мужчина деловито вошел и первым делом осмотрелся. По его лицу не трудно было догадаться, что он удовлетворен ухоженностью территории, располагающейся от ворот до коттеджа. Замедлив шаг, он осмотрел клумбы с цветами, лужайку с ярко-зеленой, ровно подстриженной травой, беседку и фонтан, откуда не переставая, била тугая струя воды. Но большее его внимание привлек бассейн, а вернее обнаженная красавица, плавающая в нем. Поэтому он прямехонько направился не в дом, а к бассейну. Видя, что купающаяся девушка не обращает на него внимания, он уселся на скамейку метрах в десяти от бассейна и стал внимательно наблюдать за всеми ее движениями в воде.

Перевернувшись на спину, Инна некоторое время лежала без движения и смотрела в небо. Там спокойствие и умиротворенность далекая от земной суеты. Здесь внизу суровая жизнь со всеми ее тяготами. И так хотелось хоть на время забыть обо всем, чтоб отвлечься. Инна закрыла глаза.

Внезапно Инна почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. Чуть подняв из воды голову, она увидела незнакомого мужчину, сидящего на скамейке.

– Ой! – вскрикнула девушка, не столько стыдясь своей наготы, сколько испугавшись его внезапного появления. Всегда считала, что забор из металлических листов высотой в два с половиной метра, надежно защищает ее от проникновения посторонних, и вдруг все оказывается до смешного просто. Сначала, каким-то неведомым образом к ней пробираются менты, а теперь еще и этот тип. Кто он, черт возьми, такой? На насильника не похож. Захотел бы изнасиловать, давно бы сделал это прямо в бассейне. Для похотливых, озабоченных самцов, так даже романтичнее. Действует возбуждающе. А может, это еще один мент, специально остался, чтобы следить за ней.

– Вы, вы, кто? – чуть дрогнувшим голосом спросила Инна незнакомца.

Мужчина как будто удивился этому вопросу. Пожал плечами, потом сказал, улыбнувшись:

– Человек, – его улыбка сделалась еще шире, что не понравилось Инне. Приходит сюда неизвестно, как и еще сидит и скалится. Настоящий идиот.

– Но как вы попали сюда? – спросила Инна, по грудь, стоя в воде и пока не собираясь вылезать. С таким типом лучше беседовать на расстоянии.

Этому вопросу он, казалось, удивился как никакому другому.

– Ну, конечно же, через дверь.

Инна ругнула про себя идиота Виталика. Опять он не закрыл дверь. Но тут же она озадачилась другой мыслью. Если этот человек не насильник и не мент, то, что в таком случае, нужно ему? Пришел-то он сюда уж точно не для того, чтобы поглазеть на ее голые сиськи.

Словно угадав ее озабоченность по поводу своего внезапного вторжения, мужчина сказал:

– Может быть, вы сообразовите выйти из воды? Нам надо с вами поговорить. Я думаю, будет удобней, если вы сядете на стул. Как вы?

Лично Инне не хотелось с ним разговаривать. И вообще, не видеть бы его триста лет, не соскучилась бы по его роже. Нашелся тоже, гость незваный.

Инна глянула на полотенце, висевшее на спинке стула возле бассейна. Сказала:

– Отвернитесь. Я выйду из воды.

Это предложение показалось незнакомцу забавным. Он усмехнулся.

– Бросьте. Я уже достаточно насмотрелся на вас. Выходите. Ну, если вас мое присутствие так беспокоит, я могу отвернуться. Надеюсь, под полотенцем у вас не лежит пистолет? Или, что-то в этом роде? Знаете ли, не люблю сюрпризов.

Инна обиженно хмыкнула.

– Вот еще, какие глупости. Какой еще пистолет? Я и стрелять-то не умею.

А мужчина успокоился.

– Ну и прекрасно. Значит, мы с вами сумеем договориться.

То, что он собирался с ней о чем-то договариваться, насторожило Инну. Но времени терять она не стала. Ничуть не стесняясь своей наготы, вышла из воды, подошла к стулу, сняла со спинки большое полотенце и им обернула свое влажное тело. Уселась на этот же стул, положив ногу на ногу. В конце концов, она здесь хозяйка, а не этот нахал.

Еще один, точно такой же стул, стоял рядом. Мужчина встал со скамейки, подошел и сел на него и, глядя в лицо Инне, сказал:

– Вас, наверное, удивляет мое появление?

Инне захотелось ответить, что произнесенное им слово «удивляет», это мягко сказано. Лично ее просто бесило его появление. Но она умела сдерживать свои эмоции, поэтому даже выражение лица не выдало бушевавшую в ней неприязнь к наглецу.

– Есть немного, – проговорила она так, будто ничего особенного не произошло, а визит незнакомца сравним с шалостью местного почтальона, который, забыв о почтовом ящике висевшим на воротах, шагнул немного дальше.

Мужчина улыбнулся и развел руками.

– Что поделаешь, уважаемая Инна Вадимовна. Обстоятельства вынудили.

Оказывается, этот наглец даже знает, как ее звать величать. Это уже становится интересным. Откуда? Что-то среди знакомых своего мужа Инна его раньше никогда не видела. Но спрашивать не стала. Какое сейчас, это имеет значение. Он тут, перед ней. А Леночки нет.

– Я вас слушаю, – сухим тоном, как будто она вела прием посетителей, сказала Инна и добавила: – Так, о чем вы хотели поговорить? Надеюсь, не о прекрасной погоде? – Теперь в ее голосе звучал откровенный сарказм.

Для начала мужчина хохотнул. Произнесенное Инной, ничуть не обидело его. Он отрицательно помотал головой и сказал:

– Погода хорошая, слов нет. Но о ней мы поговорим в другой раз, если вы не возражаете?

Инна возражала и еще как. И поэтому лицо у незнакомца сразу сделалось серьезным.

– Ну, ладно, – протянул он. – Тогда перейдем к делу, – добавил в задумчивости. – В общем, я пришел к вам по поручению компаньона вашего мужа...

– Извините, но я к делам покойного Леонида Степановича не имею отношения, – перебила Инна незнакомца, что очень тому не понравилось и он чуть повысив голос, сказал:

– Подождите. И дослушайте, пожалуйста, меня до конца. Пропали деньги. Огромная сумма. Более того. Пропал человек, который привез их в Москву.

Инна обиженно вздернула носик.

– Не понимаю, причем здесь мой покойный муж.

– Видите ли, – как можно сдержанней заговорил незнакомец. – Этот пропавший человек, был нашим партнером. Здесь в Москве его никто не знал кроме вашего мужа, Леонида Розовского...

– Ну и что? Ведь Леонид – мертв, – в конец, теряя терпение, воскликнула Инна – Мертв. Разве вам не понятно? Зачем вы пришли сюда? Чтобы рассказать мне обо всем этом? Так я вам уже сказала, что к делам мужа не имела и не имею никакого отношения, – Инна поднялась со стула, и мужчина, заметив это, довольно резко произнес:

– Сядь!

– Что? – Инна округлила от такой неслыханной наглости глаза. – Вы приходите сюда без приглашения и начинаете командовать?

– Я сказал, сядь! – заорал на нее мужчина. – И не рыпайся, если не хочешь, чтобы я притопил тебя в этом бассейне, как Герасим Муму.

Инна послушалась села. Ничего другого не оставалось, как подчиниться.

– Да вы... Да я... – ей хотелось сказать этому негодяю, пусть знает, с кем имеет дело. Ведь она жена такого человека. Но тут же она вспомнила, что человека этого уже нет. А сидящий рядом мужчина, представившийся порученцем компаньона ее мужа, похоже, обыкновенный бандит с большой дороги. Ну разве мог ее Леонид водить дружбу с таким негодяем? Конечно, нет. Потому Инна ни разу и не видела его в обществе мужа.

– Правильно. Сидите и слушайте. В тот день, когда убили вашего мужа, – сказал незнакомец и, поймав на себе пронизательный взгляд Инны, добавил: – Да, да. В тот день, он должен был встретиться со своим компаньоном. Фамилию его я вам называть не стану, ни к чему. Перед этим за день, Леня звонил ему из своего офиса и сказал, что как будто бы знает, куда делся партнер и кто причастен к исчезновению денег. Причем, по заверениям компаньона, ваш муж был чем-то жутко взволнован, сказал, что обо всем этом не по телефону. Сам назначил встречу. А на другой день, утром, его уже не стало.

Он замолчал, и на лице отразилось, что-то наподобие сожаления, или обеспокоенности. Инна точно не разобрала в полумраке. Призадумалась по поводу сказанного о том, что пропали какие-то деньги. Лично из их дома ничего не пропадало. Ничего не понятно, какие деньги? Ее страшно заинтересовало, сколько их было, тех пропавших денег. Об этом она спросила у нахала, особенно не надеясь на чистосердечный ответ.

– Их было ровно три миллиона долларов, – ошарашил ее незнакомец своим ответом, от которого Инна вдруг испытала волнение. – Они лежали в дипломате у курьера. Мне удалось выяснить, что в день своего исчезновения, курьер заходил в офис вашего мужа. Осталось только невыясненным, имел ли он беседу с ним. Или... – незнакомец не договорил. Не решился обвинить погибшего Розовского в нечистоплотности. О мертвых плохо не говорят. – Поймите, эти деньги привезены за заказ, который со смертью вашего мужа так и остался невыполненным. Я повторюсь, ваш муж мертв. Но за невыполненный заказ могут спросить с другого, очень уважаемого человека. Или потребовать вернуть те три миллиона. И, поверьте, я не представляю, где он их возьмет. Сумма-то, сами понимаете, немаленькая, – проговорил он озабоченно.

Инна сидела точно окаменев. Услышанное про исчезнувшую сумму в три миллиона долларов, поразило ее. Если не сказать больше. Инна чувствовала в голове легкое помутнение, соображая над тем, что эти деньги могут находиться у них в доме. И если это так, то где они? Куда покойный муженек мог их запрятать? И в то же время у нее появилось разочарование. Всегда считала Ленечку кристально честным человеком, достигшим успеха

в бизнесе, благодаря своему интеллекту. А оказывается, что его интеллект был направлен в иное русло. И он не гнушался махинаций.

Незнакомец на это только усмехнулся.

– А как вы хотели, моя дорогая. Вы что, думаете, ваш особнячок стоимостью порядка пятнадцати миллионов «зелени», приобретен на трудовые доходы мужа? А круизы по морям, океанам. Поездки по белому свету? Думаете, это все на дивиденды? – Он отрицательно покрутил головой. А Инне стало не по себе. Оказывается, она была женой теневого дельца. И судя по всему, сидящий перед ней человек, из того же теста.

Инне сделалось противно на него смотреть, и отвернувшись, она сказала со вздохом:

– Уходите. Прошу вас. Я устала и хочу спать. А, кроме того, тех денег, о которых хотел рассказать муж, у меня нет. Где они, я не знаю. Уходите, пожалуйста, – повторила она, а не ожидавший такого поворота незнакомец, опешив, нахмурился.

– Слушай, ты видно так и не поняла, зачем я сюда пришел? – произнес он угрожающе. – Сейчас я объясню тебе. Я не хочу, чтобы ты вот так сразу разделила судьбу своего мужа. Слышишь меня? Поэтому, я не уйду отсюда, пока кое-что не сделаю.

Инна и в самом деле выглядела измученной. Все услышанное, подействовало на нее угнетающе. И теперь уже она не чувствовала того благополучия, которое мерещилось ей в дальнейшей жизни. Более того, ее дальнейшее существование уже не казалось ей таким безоблачным. И она, устало, заглянув в лицо незнакомцу, спросила:

– Хорошо, что вы хотите от меня? После смерти Лени, у меня осталась кой, какая наличность. Тысяч сто долларов. Еще есть деньги в банке. Но получить их оттуда я смогу только через полгода. И все равно трех миллионов не наберется. Так что забирайте эти сто тысяч и уходите. Слышите?

Мужчина вскочил со стула, пораженный неслыханной наглостью.

– Плевать мне на эти сто тысяч. Я хочу заглянуть в тайник твоего мужа. У вас в доме есть тайник? Такой небольшой сейфик, где-нибудь в стене под картиной. Или может быть он в подвале? Возможно, в нем лежит тот дипломат с тремя миллионами долларов. Понимаешь, сучка, о чем я говорю.

– Слушайте, по какому праву вы со мной разговариваете таким тоном? – Инна попыталась встать, но подскочивший к ней мужчина, наотмашь ударил ее по щеке.

– Заткнись. И не строй из себя цацу. Ты дешевка, которую твой Ленечка купил. Причем, купил, как покупают уличных девок. Тоже мне – леди. Так что сейчас мы с тобой пройдем в дом, и ты покажешь, где твой муж хранил деловые бумаги. Стол, сейф. Шкаф, наконец. Где-то ведь у него есть такой укромный уголок. Ну, соображай. Шевели мозгами. Ты ведь только и умеешь, что вилять задницей перед мужиками. А теперь прояви сообразительность. И смотри, – он взял Инну за волосы, чуть оттянул голову назад. – А то ведь мое терпение лопнет. Со мной приехали два жеребца, у которых при виде твоей махнатки слюнки потекут. Так вот, сначала они тебя задрючат до полусмерти. А потом привяжут к лежаку и в твою дырочку загонят, нет, не член, а чтобы ты думала?

Инна промолчала, боясь заглянуть ему в лицо и уж тем более, ответить.

– Они загонят тебе разбитую бутылку. И ты истечешь кровью. Но пока еще будешь, жива, ты будешь проклинать себя за то, что отказала мне в таком маленьком пустяке. Ну, так что ты выбираешь?

Глава 4

Мысль вернуться и присмотреть за домом Розовских, пришла к Туманову после того, как Грек с Ваняшиным рассказали про серый «Фольксваген».

– Мне оттуда участковый звонил, – сказал майор, положив телефонную трубку на аппарат. – У него эта машина тоже вызвала подозрение. Третий день она там мелькает по улице. Он подозревает, что кто-то пытается следить за домом Розовских. Чтобы не спугнуть их, он к машине подходить не стал. Позвонил мне. Так что, поехали, глянем на того мордастого, который тебе, Грек, по зубам заехал. Если что, сцапаем их до выяснения личностей, – предложил Федор, а довольный Грек потер руки.

– Ну я тогда душу отведу. Я ему покажу, как бьют по морде профессионалы, – с долей самохвальства проговорил Грек.

Ваняшин с ехидной улыбочкой глянул на него.

– А что ж ты сразу там не показал? – спросил лейтенант, вспоминая, как Грек завалился на траву. – Развалился на травке, и лапки кверху задрал.

Грек от обиды нахмурился. Получилось и в самом деле некрасиво. Все-таки он капитан милиции, оперативник, привыкший ко всякого рода неожиданностям и так дал маху. Надо было как-то оправдаться, чтобы не выглядеть лохом перед Тумановым. И Грек сказал запальчиво:

– Леш, там была другая ситуация. Ты думаешь, я бы его не сделал?

Ваняшин махнул рукой. А Грек совсем вспылел, обиженный недоверием.

– Да запросто бы сделал. Но я ж не знал, что он, гад, вот так сразу мне и по зубам. Я сгруппироваться не успел. Стоял расслабленный. Не успел в глухую защиту уйти. Вот, если б он вылез, и мы бы один на один с ним, ты бы увидел меня в деле. – В словах Грека сквозило открытое бахвальство, к которому Ваняшин успел привыкнуть, а потому сказанное капитаном пропустил мимо ушей.

На улицу, где находился дом Розовских, они приехали, когда уже порядком за вечерело. Поразило то, что улица выглядела совсем безлюдной. Видно все обитатели шикарных теремов, здесь предпочитали большую часть времени находиться за своими заборами. По этому поводу Грек мрачно заметил:

– Здесь, когда не появишься, хоть утром, хоть днем, хоть вечером, ни одного человека не встретишь, домоседы проклятые. За заборами прячутся.

Хотя лично Леха Ваняшин на этот счет был другого мнения.

– А чего им по улицам шастать, без нужды. У каждого земли по гектару. И все условия есть для нормального отдыха. Деревья растут. Бассейны. А на улице чего, пылью дышать? Да на таких как ты смотреть?

Грек покосился на молодого приятеля, вздохнул, но ничего не сказал. Не было настроения. В другой бы раз постарался убедить лейтенанта в неправильном рассуждении, а сейчас наплюнул. Не до него. Лицо обстрекал крапивой. Да и челюсть болит так, что лишний раз рот разевать неохота.

Серый «Фольксваген» они увидели издалека. На этот раз сидящие в нем молодцы, набрались наглости и припарковали машину едва ли не к самым воротам Розовских.

Предусмотрительно свинтив с бампера синий номер, опера не беспокоились за то, что сидящие в «Фольксвагене» увидев их, поспешат скрыться. По улицам много проезжало машин. Попадались среди них и черные «Волги». Правда, не такое старье, на каком раскатывали опера. Но что делать, если другую машину им не выделяют.

– Леша, значит так, – сказал Туманов лейтенанту. – Сейчас подъезжаешь и ставишь машину так, чтобы отрезать им разворот на проезжую часть. Понял?

Ваняшин в ответ угукнул. А Туманов продолжил, не обращая внимания на этот не слишком красноречивый возглас:

– А мы с Греком высказываем, и вытаскиваем всех, кто в машине. Особенно, водителя, чтобы не дать им смыться. Если все понятно, то, Леша, давай по газам, – приказал Туманов, достав из кобуры табельный «Макаров».

Ваняшин не зря считался водителем асом. Он не спеша, поехал по проезжей части улицы, делая вид, что стоящий серый «Фольксваген» нисколько не интересуется его. И только, когда уже почти поравнялся с ним, вдруг резко прибавил газу, и, перемахнув через бордюр, остановился в нескольких сантиметрах от переднего бампера «Фольксвагена». А у сидящих в иномарке молодцев от такой наглости сумасшедшего водила черной «Волги», глаза полезли на лоб.

Сидящий за рулем мордovorот, в жутком изумлении прорычал:

– У него видать крыша съехала, сейчас я ему ее подправлю. – Он открыл дверь и уже свесил обе ноги на траву, как тут же перед ним очутился Грек.

– Ну что, хомут, узнаешь меня? – с улыбочкой, почти дружелюбно пропел Грек и вдруг со всей силы прижал дверью ноги мордovorота. Тот взвыл от боли.

Федор Туманов тем временем занялся вторым молодцем, сидящим на переднем сиденье. Его не пришлось долго упрашивать выйти из машины. Хотя сначала он просьбу майора не понял. Или сделал вид, что не понял. Но после того, как Федор хорошенько саданул его кулаком в лоб, в голове бугая просветлело. Он сделался сообразительным и не стал дожидаться худших неприятностей. С него было достаточно и тех, что уже выпали на его голову, а точнее, лоб. Мутными глазами он уставился на того, чей кулак припечатал его крутой лоб к спинке сиденья и произнес:

– Я пас, ребята.

С мордастым водителем Греку тоже долго возиться не пришлось. Хотя, по заверениям усатого капитана, он и сам бы мог легко вытащить из-за руля мордovorота и скрутить, но Ваняшин решил оказать помощь. Самую маленькую. Не прилагая большой силы, Ваняшин пнул ботинком сорок пятого размера мордovorота в грудь, и тот, скрючившись, вывалился из машины.

Греку оставалось немного, добить поверженного противника. Но Сан Саныч проявил гуманизм, саданув всего лишь пару раз мордастому по зубам.

– Это, чтоб ты, гад, кайф поймал. Понял теперь, каково это, когда тебе бьют кулаком по зубам. Я бы мог тебя уделать, но я добрый.

Мордастый что-то неразборчивое промычал в ответ. А Грек улыбнулся его беспомощности.

– Ничего. Дыши глубже. Жить будешь, – успокоил он парня, обыскивая карманы его брюк. Они оказались пустыми, и усатый капитан пришел к полному разочарованию. Ни ствола, ни пакетика с дозой наркоты. Но, когда он заглянул в бардачок, лицо его сразу повеселело. Среди разбросанных аудиокассет, капитан увидел лежащий «глок» и запасную обойму к нему.

– Ого. Вот это, вещица. Чья она? – спросил Грек строго, обращаясь к обоим молодцам. Но мордастый водитель и его напарник, как в рот воды набрали, и вопрос Грека остался без ответа.

– Вы что, оглохли оба? Я спрашиваю, чья это игрушка? Уроды, – еще строже проговорил Грек, двинув мордастого водителя кулаком, на этот раз, в печень. – Или мне, может, стоит перейти к более радикальным мерам?

Леха Ваняшин тем временем не поленился заглянуть под передние сиденья и под одним из них обнаружил короткоствольный АКМ со складным прикладом. Аккуратненько извлек его оттуда.

– Вы на эту игрушку посмотрите, – сказал он Туманову с Греком. Грек присвистнул, а лица обоих парней помрачнели.

– Между прочим, Розовского грохнули из точно такого же автомата, – сказал Грек, подозрительно глянув на плечистых парней, руки которых были застегнуты в наручники.

Туманов осмотрел найденный Ваняшиным автомат.

– Точно, – согласился майор, а парни переглянулись. Потом мордастый водитель решил, что тактика молчания не в их пользу, сказал:

– Зря стараетесь, граждане начальники.

– Это почему же? – удивился Туманов.

– Да потому что из этого ствола, ни в какого Розовского не стреляли, – сказал водитель.

– А в кого стреляли? – пристально взглядываясь в глаза мордастому парню, спросил Туманов. Парень не выдержал тяжелого взгляда майора, отвернулся.

– А ни в кого, – угрюмо сказал он.

Ваняшин произвел тщательный досмотр салона машины, потом осмотрел багажник, но больше никакого оружия не нашел.

– Ничего, – разочарованно произнес он.

– Жаль, – с не меньшим разочарованием подхватил Грек. А майор Туманов глянув в мрачные лица задержанных, сказал, причмокнув при этом языком:

– Для них и этого достаточно. Да, парни, дело ваше – дрянь.

Молодцы недоверчиво посмотрели на майора.

– Это почему же? – спросил, молчавший до этого напарник мордастого водителя. Кажется, он впервые, по-настоящему задумался о своей судьбе.

Федор как бы с сочувствием вздохнул.

– А потому, что за эти игрушки, – кивнул он на лежащие, на капоте «Фольксвагена» автомат и «глок», – вам, как минимум по три года обеспечено. А если еще учесть цель вашего визита сюда, то и побольше набегит. Вы ведь не просто так сюда приехали, верно? А зачем? Чтобы прикончить вдову Розовского? Отвечайте.

По лицу мордастого водителя не трудно было понять, что раскаянья от него не дождешься. Такие, как он, до конца будут стоять на своем. А вот его напарник, кажется, более сговорчив. Это Туманов заметил сразу, подумав, что если на него хорошенько поднажать, то у того развяжется язычок. И в упор уставившись в глаза парню, сказал:

– Тому, кто даст чистосердечные признания, обещаю снисхождение. Поверьте, это не так уж и мало, если учесть, что камеры в Бутырке переполнены. Ну, я жду. Время пошло, – майор глянул на часы.

И напарник мордастого водителя не выдержал.

– Мы приехали... – только начал он говорить, как водитель повернул голову и взглядом дал понять, что тому лучше заткнуться. И парень заткнулся.

– Я слушаю. Продолжай. Так зачем вы сюда приехали? – спросил Федор, пожалев, что сразу не посадил парня в милицейскую «Волгу» для конфиденциальной беседы. Теперь на дальнейшее общение не стоило надеяться.

– Мы приехали сюда погулять, – угрюмо сказал парень, отведя глаза в сторону, словно стыдясь своего уродливого вранья.

– Погулять, значит? А оружие зачем? Чтоб комаров отпугивать? – усмехнувшись, спросил Грек.

Парень, едва ли не двухметрового роста, стоящий перед Греком, виновато опустил голову. Выглядел он подавленным. Видно не рассчитывал на встречу с оперативниками. Или тут было, что-то такое, что здорово беспокоило его. Во всем этом, еще предстояло разобраться.

Зато мордастый водитель, напротив, вел себя дерзко. Когда майор заговорил про камеру в Бутырской тюрьме, он даже усмехнулся. Чувствовалось, что он там уже бывал и потому тюрьма его не пугает. И сейчас, видя, что его напарник повесил нос, проигнорировав вопрос усатого капитана, он сказал:

– Оружие прихватили на всякий случай. Для самообороны. Понятно?

– Даже больше, чем нужно, – проговорил Федор Туманов, заметив, что дверь в воротах Розовских приоткрыта. – Их не двое, – догадался майор.

– Чего? – не понял Грек.

– С ними есть еще кто-то. И этот кто-то, там, – кивнул Федор на ворота. – Саня, останься тут, присмотри за этими двумя. Если что, стреляй. Ваняшин, за мной! – крикнул Федор лейтенанту и, достав свой пистолет, бросился к воротам.

Глядя убежавшим оперативникам вослед, мордастый водитель сплюнул и отвернулся. В его планы тоже не входила встреча с операми. Он надеялся на другой исход, но ожидания не совпали с действительностью.

– Ну что, кукла, кажется, я с тобой теряю время, – прорычал незнакомец Инне в ухо, и сунул руку в карман пиджака, достав оттуда нож с выкидным лезвием. Простое нажатие на кнопку, и отшлифованное до блеска лезвие выскочило из ручки. Его остро заточенный конец прикоснулся к шее Инны, вызвав в ее теле импульсивное подрагивание.

– Жаль такую красавицу отправлять на тот свет, но поверь, – задумчиво произнес незнакомец с искренней заботой, – У меня нет другого выхода. Просто я думал, что ты можешь облегчить мои поиски и показать укромный уголок своего покойного мужа. Но, в конце концов, дом я обыскать могу и без тебя.

Инна хотела сказать, что готова помочь ему в поисках, но у нее пропал голос. То сипение, которое она от страха выдавливала из себя, не удовлетворяло незнакомца, потому что из него он не мог ничего понять. Чуть склонив голову, к насмерть перепуганной красавице и скосив при этом глаза в сторону, он увидел двоих. Поначалу принял их за своих парней, которые должны были дожидаться его в машине и без разрешения не входить сюда, но, приглядевшись, понял, что ошибся. Причем, в поведении этих двоих было столько фанатичной уверенности, сколько ее может быть только у ментов.

– А ну встань, милая, – шепнул он Инне на ушко, потянув ее за волосы вверх, заставляя, встать со стула. Теперь девушка стала живым щитом, загородив своим телом его от подошедших. Полотенце медленно сползло с ее плеч, обнажив сначала тугие, большие груди с выпуклыми сосками, а потом и увитый темными волосиками низ живота.

Прижимаясь теснее к ней, он почувствовал дрожь ее тела, и упругую попку на уровне своего паха, подумав о том, что было бы совсем неплохо заставить эту красотку наклониться и пошире растопырить ноги. Не часто имеешь дело с такой ягодкой. Только не время сейчас. Несколькими минутами раньше, может, и получилось бы чего. А сейчас... сейчас глянув на остановившихся ментов, пораженных видом добротных женских прелестей, он усмехнулся.

Стоят эти двое, рты раскрыли. Только хозяин положения он, а не они. Потому что одно неосторожное движение с их стороны, и острое лезвие перережет артерию на лебединой шее этой красотки. Ну разве, менты допустят такого? А он может допустить, что угодно. Ему не до благородства.

– Я так думаю, что вам, господа, лучше избавиться от своих пистолетов, – сказал он со смешком, видя по лицам ментов, что его предложение осталось не понятым, поэтому добавил уже более жестко: – Я считаю до трех. На счет три, из этой прелестной шейки брызнет кровь. И так: раз, два...

Туманов покосился на Ваняшина и кивком головы дал понять, что им следует подчиниться.

Свободной рукой мужчина указал на бассейн и сказал:

– Оружие бросайте туда, в воду. Ну!

Послышалось два всплеска, после чего он облегченно вздохнул.

– Так-то лучше. Люблю иметь дело с безоружными ментами, – сказал он.

Туманов развел руками, показав, что он чист. Потом сказал:

– Слушай, отпустил бы ты женщину. Нехорошо, как-то получается. Четыре дня назад у нее мужа убили.

На лице мужчины появилась крайняя задумчивость. Видно он решал, как поступить с молодой вдовой. А Федор на пару шагов приблизился к скамейке. Скамейка была переносная. Каркас ее был сделан из алюминиевых уголков, по которым крепились лакированные рейки. Во всяком случае, она не должна быть тяжелой. Это Туманов определил сразу, как только глянул на скамью. Если у того придурка только нож и нет пистолета, то скамья поможет им защититься, и может быть, спасет жизнь девушке. Во всяком случае, это единственный шанс. Другого Федор не видел.

Почувствовав, что мужчина больше не держит ее за волосы, а лезвие ножа уже не надрезает кожу на шее, Инна не стала мешкать. Убежать от него она вряд ли сумеет. Ведь нож все еще у него в руке. Хотя руку он отвел в сторону, но что стоит ему сделать всего лишь движение. И тогда остро отточенное лезвие вонзится в ее тело. Совсем другое дело, если она сейчас сиганет в бассейн. Прыгать за ней он уж точно не станет. Значит, у нее появится свой шанс на спасение.

Видя, что в какой-то момент этот тип с ножом в руке отвлекся и смотрит на Туманова, а не на нее, Инна резко рванулась в сторону, даже не помня толком, как она преодолела расстояние длиной в три метра. В себя она пришла уже только в бассейне, плюхнувшись в воду.

Туманов заметил, что человек с ножом растерялся. Не ожидал, что вдовушка выкинет такой финт. Махнув рукой, он попытался достать Розовскую ударом ножа в спину, и не достал. Тем временем сам майор, схватил скамейку и как тараном пошел с ней на человека с ножом, заставляя того отступать. Но продолжалось это не долго. Уже в следующее мгновение в правой руке у того вместо ножа, очутился точно такой же автоматический «глок», какой они обнаружили в бардачке «Фольксвагена».

Оскалившись, словно затравленный зверь, первый выстрел он сделал в Инну. Уж слишком не хотелось оставлять живой симпатичную вдову ментам. Но выстрел оказался не точным. Пуля вспорола поверхность воды рядом с обнаженным телом красотки и ударила в одну из плиток, которыми было выложено дно и стенки бассейна.

Второй выстрел предназначался кому-то из ментов. Не важно кому. Важно сначала уложить одного, потом второго. Но и тут его ждала неудача. Оба мента проявили завидную прыть и метнулись от бассейна в темную аллею. Посланная вдогонку пуля вонзилась в одно из деревьев. Сделав наугад в темноту пару выстрелов, человек бросился бежать по направлению к воротам.

Теперь вся надежда оставалась на Грека, который, укрывшись за «Фольксвагеном» держал под прицелом мордастого водителя и его напарника, готовый в случае необходимости, не раздумывая тут же на месте уложить обоих.

Но этого ему делать не пришлось. Выскочив из ворот на улицу, человек сходу оценил обстановку. Раз его пара помощников стоят в наручниках, значит, где-то есть еще один мент.

Усагую рожу Грека он увидел за «Фольксвагеном». Но попасть в мента, вот так сходу, было делом чрезвычайно сложным. К тому же у усагатого позиция намного удобней, и он уже поднял свой «Макаров», готовясь выстрелить.

– А ну стой! Милиция! – закричал Грек.

Человек улыбнулся. Глуповато повел себя усатый мент. И так уже понятно, что он представитель славного ментовского племени сыскарей. Только зря он глотку драл. Если б выстрелил сразу, глядишь, попал бы. А теперь навряд ли.

Наверное, он думал, что выбежавший из ворот, кинется к «Фольксвагену», потому и занял глухую оборону за машиной. Но выбежавший, поступил разумнее, он сразу бросился в темноту, под прикрытием кустов росших возле заборов по всей улице, куда свет фонарей почти не проникал. При желании, за этими кустами можно было спрятать даже слона, а уж человека и подавно. Но как быть с помощниками? Вряд ли это будет правильным, если менты заберут их с собой. Гораздо лучше, если они заберут трупы. Тогда эти двое уже ничего не расскажут операм. И он остановился. Перевел пистолет на автоматическую стрельбу и, выглянув из кустов, увидел изумленные лица своих парней. Кажется, они тоже хотели бежать, но звенящий выстрел из «Макарова» над их головами, удержал обоих от необдуманного поступка.

На этот раз он смог хорошо прицелиться. Сначала в одного. Потом, в другого. Короткая очередь выпущенных из кустов пуль сразила обоих. Оба с простреленными головами, рухнули на влажную от росы траву, приняв неестественные позы. Он отвернулся. И больше уже оборачиваться не стал, чтоб не терять время. Нужно было уходить. Слышал, как тот усатый мент стал лихорадочно палить по кустам, и побежал.

Глава 5

Валерий Ищенко считал, что вот наступил тот переломный момент в его жизни, который принято считать счастливым случаем. Хотя до этого дня ему крупно не везло. Не везло с женщинами. Не везло с работой. По долгу он нигде не задерживался. И не потому, что работа не нравилась ему. Причина крылась в другом. Куда бы он ни устраивался, нигде не платили столько, сколько первоначально обещали. Поэтому Валерий работал, как говорится, до первой полочки. И так бы может, мыкал горе, если б ни его новая подружка Алла. С ней у него было не как с остальными девушками, которых всех без исключения, Валера считал обыкновенными шлюхами. Алла работала администратором в гостинице. Зарабатывала прилично, и не требовала от Валерия денег. Более того, узнав, что он опять без работы, немедленно взялась за его трудоустройство и обзвонила массу своих знакомых. И вскоре у Валерия появилась возможность выбора. Хотя попасть на хорошее место, ничуть не проще, чем прорваться в отряд космонавтов.

Только спустя две недели, вернувшись однажды с работы, Алла радостно сообщила, что у Валеры есть реальный шанс устроиться водителем к одному очень крутому бизнесмену.

– До этого у него работал один. Накопил денег и ушел, – объявила Алла.

Валерий призадумался, кое в чем увидев неувязочку. Спросил:

– Чего ж он ушел, если этот бизнесмен ему так хорошо платил?

Алла терпеливо втолковала Валерию то, чего он сам просто не понимал.

– Ну как ты не поймешь? Просто он открыл свое дело. Так что не теряй времени, пока место еще свободно. За пару тысяч баксов в месяц, я думаю, можно повозить кого угодно. Вот тебе адрес. Завтра смотайся туда. Обратишься к секретарше этого бизнесмена. Ей тебя порекомендовала одна моя знакомая. Кстати, ее зовут Юля. И она прехорошенькая девочка. Так что смотри, – пригрозила Алла, сжав пальчики в кулачок, – поосторожней там с ней. Не прояви свои кобельские наклонности. Иначе у нас тобой будет все кончено.

Валерию не составило большого труда убедить Аллу, что девушки лучше ее он в жизни не встречал. А закончилось убеждение на кровати, бурным сексом, после которого Алла едва придя в себя, сказала:

– И все-таки, ты настоящий кобель.

Валера против этого не возражал. А на другой день пошел в ту фирму, адрес которой ему дала Алла. И разыскал секретаршу Юлю.

Достаточно было бросить один единственный взгляд, чтобы убедиться в том, что Алла не соврала. Секретарша Юля и в самом деле была девушкой редкой красоты. Впрочем, в офисе Розовского, куда попал Валерий, все было редкой красоты. Обстановка. Машины. И добрейшие люди.

Юля, узнав, зачем пришел Валерий, мило улыбнулась ему и пообещала быстренько утрясти вопрос с его трудоустройством. Валерий не знал, как благодарить ее. Понимая, что одним спасибо за такое не отделаешься.

– Я ваш должник. Можете всегда на меня рассчитывать, – пообещал он.

На что хорошенькая секретарша не упустила заметить:

– Смотрите. Ловлю на слове. А память у меня хорошая, – улыбнулась она и вошла в кабинет к Розовскому. Пробыла там не более пяти минут, потом вышла и сказала, что Леонид Степанович Розовский хочет познакомиться с Валерием. Она широко распахнула перед будущим водителем шефа дверь, тем самым, приглашая его войти в кабинет. И Валерий не заставил себя упрашивать, вошел.

Вот так сразу, Розовский показался ему обыкновенным мужиком, к которому фортуна благосклонно повернулась своим мохнатым передком, а не лысой жопой, как к самому Валерию. А если этого Розовского переодеть в костюм не за восемь штук баксов, а в дешевку, пошитою в нашем отечестве, то в толпе его не отличишь от остальных. Ничего в нем такого уж представительного и нет. Но в жизни ему круто повезло. Повезло стать богатым. Жену красавицу заиметь повезло. На нее Валерий запал сразу, как только увидел. Вот только момента подходящего не представлялось, чтобы насадить ее на клык. Девушка она, судя по всему, темпераментная, и вряд ли Розовский, который годами намного старше ее, полностью удовлетворяет свою женушку.

Однажды у Валерия представился случай познакомиться с Инной Розовской поближе.

Утром он как обычно заехал за шефом и привез его в офис. И только, когда машина остановилась возле входа в здание, бизнесмен вдруг вспомнил, что, уходя из дома, забыл захватить с собой папку, в которой лежали договора по ряду дочерних предприятий, с которыми он должен ознакомить совет директоров. До начала заседания совета еще было время, и Розовский послал Валерия за документами к себе домой, предварительно позвонив жене, чтобы отыскала папку.

Наверное, Валерий слишком быстро приехал. Но стоило ему остановиться возле ворот, он увидел, как дверь открылась, и на улицу торопливо вышел молодой мужчина, который, почему-то заметив Валерия, панически закрутил головой во все стороны, словно искал укрытие, куда бы спрятаться. Но прятаться было поздно. Он был замечен. Более того, к водителю тут же пришла мысль, что в отсутствие мужа, навещал он его красавицу супругу не просто так. И Валерий решил этим воспользоваться, когда очутился дома у Розовских.

Инна выглядела немного растерянной, и в то же время глаза ее излучали маниакальный блеск, который появляется у женщины только в момент экстаза. Она глянула на Валерия своими голубыми глазами.

– Папку? Ах да, – вспомнила она. – Леонид Степанович звонил. Пойдемте, глянем. Эта папка должна лежать на его столе, – сказала она, гостеприимно пригласив Валерия проследовать в домашний кабинет Розовского.

Они вошли, но той обещанной папки на столе почему-то не оказалась. Инна удивленно пожала плечами.

– Странно. Леонид Степанович звонил, сказал, что она должна лежать вот тут, а ее нет, – проговорила она, смутившись под напористым взглядом Валерия. – Ой, сегодня у меня что-то все валится из рук, – и тут же отвернулась.

Валерий прекрасно понимал, почему у красотки такое состояние. Кажется, он приехал далеко не вовремя и своим визитом нарушил ее приятные мгновения с тем молодым человеком. Хотя, если постараться, их можно восстановить, с ним, с Валерием. А Розовский подождет со своими документами. Впредь будет осмотрительней. Рано ему еще склерозом страдать.

– Может, там, в столе, – указал Валерий на нижние ящики стола, обделанные инкрустацией с изображением диковинных животных.

Инна, не раздумывая, согласилась заглянуть в стол мужа, хотя раньше предпочитала не заглядывать туда, тем самым не нервировать его. Розовский не любил, если супруга начинала совать свой нос не туда, куда надо.

Ее ошибкой было повернуться к Валерию задом. Хотя атласный халат, в который она одета, был достаточно длинным, но стоило ей наклониться, как под ним контрастно проступили контуры ее круглой попки. И глядя на нее, Валерий уже не мог сдержаться. Схватив Инну за бедра, он со всей силы прижал ее к себе, немного напугав, потому что девушка тут же воскликнула:

– Вы что? Вы с ума сошли. Что вы делаете?

Но Валерий знал, чего делает. Инна выпрямилась, и тогда он развернул ее, не выпуская из своих рук, хотя девушка стала отчаянно сопротивляться, напоминая птичку, попавшую в хитроумный силочек к искусному ловцу.

– Отпустите немедленно. И не делайте глупостей. Вы – сумасшедший, – произнесла Инна голосом, в котором воедино слилось возбуждение от мужского объятия и страх за разоблачение. – Вы даже не представляете, что с вами будет, если Леонид Степанович узнает. А потом, за кого вы меня принимаете?

Валерий не выпуская ее из рук, отыскал своими губами ее губы. Но поцелуй был коротким. Жена бизнесмена уже, кажется, начала потихоньку обмякать, позволив ему запустить руку под халат и прикоснуться к обнаженному бедру. Теперь дело оставалось за малым.

Тут же, в кабинете ее муженька, Валерий присмотрел кожаный диван, на котором бы женушка бизнесмена в лежачем положении да еще обнаженной, смотрелась бы совсем неплохо. Но в этот самый, неподходящий для Валерия момент, лежащий у него в кармане сотовый телефон, разразился звонками.

Звонил Розовский. Видно бизнесмен стал терять терпение, или предчувствие горячего ревнивца заставило его переосмыслить столь необдуманное решение, вот так послать водителя к себе домой одного. Так или иначе, но Розовский был страшен в гневе.

– Чего ты там возишь? – заорал он на Валерия, не давая тому опомниться. – В общем так, – пригрозил он. – Если через пятнадцать минут ты не привезешь документы, я тебя выгоню. И так, смотри на часы, – напомнил он.

Валерий быстро застегнул расстегнутую молнию на ширинке. В глазах у Инны вспыхнула злость. Она почувствовала себя униженной. Действия водителя были похожи на насмешку. Насмешку над ней. А может, это Ленечка решил, таким образом, проверить ее верность? Она точно не знала, но твердо знала другое, если бы Розовский сейчас не позвонил, Валерий добился бы своего. Она сама была близка к тому, чтобы отдаться этому негодяю. И теперь ей стало стыдно за свою слабость. А еще страшно от мысли за то, что было бы с ней потом. Возможно бы, до убийства на почве ревности дело не дошло, но она нисколько не сомневалась, узнай Розовский об ее измене, и она оказалась бы на обочине жизни, причем, без гроша в кармане. Для ее эгоистичного муженька, измена жены, равнозначна, предательству. Ленечка бы ее не простил. И все это из-за негодяя Ищенко. Инна зверем взглянула на Валерия, и он понял по ее глазам, что она не станет держать язык за зубами. А стало быть, не успеет он доехать до офиса, как супруга немедленно позвонит Розовскому. И решив упредить необдуманный шаг с ее стороны, он сказал торопливо:

– Вашему мужу об этом знать совсем необязательно.

Девушка глянула на него с коварным прищуром, посчитав его трусом.

– Да?

– Да, – кивнул Валера. – Потому что тогда возникнуть неприятности не только у меня, но и у вас, – произнес он уверенным тоном, отчего вызвал у Инны трепет. Волнуясь, она спросила:

– Отчего же у меня? Разве я вам дала повод заняться со мной любовью?

Валерий отрицательно покачал головой.

– Нет. Конечно же, повода вы мне не давали. И любовью мы с вами не занимались. Был всего лишь поцелуй, который, кстати, вам понравился...

Щеки девушки вспыхнули стыдливым румянцем. И покрутив головой, она протянула с негодованием:

– Какой же вы наглец. И такого наглеца Леонид Степанович держит возле себя. Чувствую, наживет он с вами неприятностей.

Валерий сделал вид, как будто не услышал колкого замечания, продолжил то, о чем собирался предупредить Инну:

– Я заметил, между ног у вас влажно. Сдается мне, что до меня, кто-то там поработал своим членом...

Руки Инны, в которых она держала найденную наконец-то папку с документами, затряслись от услышанного.

– Что? Да вы, что себе позволяете? Говорить мне такое. Хам!

Но Валерий ничуть не смутившись от такого оскорбления, сказал:

– Когда я сюда приехал, видел, как из ваших ворот выскочил подозрительный мужчина. Между прочим, молодой. Он стыдливо отворачивался от меня, а сам на ходу заправлял рубашку в брюки. Думаю, это его сырость осталась у вас между ног, – взглядом Валерий указал Инне на ее пах.

Ему показалось, что сейчас глаза у девушки вылезут на лоб.

– Вон отсюда, – крикнула она, указав рукой на дверь.

Валерий выхватил папку из ее руки, но прежде чем выскочить в дверь, не забыл напомнить:

– Ухожу. Но хочу напомнить, что будет лучше, если Леонид Степанович, не узнает про того мужчину. А заодно и про мой нежный поцелуй.

– Вон! – заорала Инна, вне себя от злости.

Валерий выскочил в дверь. Обратно он гнал так, как, наверное, это сделал бы знаменитый гонщик Шумахер. И ошалевшие от такой наглости гаишники, даже не успевали тормознуть его. Хотя, сам Валерий не столько думал о них, сколько о том, пожалуется ли голубоглазая разъяренная тигрица с прелестным именем Инна на него своему мужу.

Инна оказалась достаточно неглупой девушкой, и Леонид Степанович Розовский так ничего и не узнал про своего водителя, а заодно и про любовника, которого завела себе его ненасытная до секса женушка. Сам же Валерий посчитал, это событие еще одним счастливым случаем, потому что Розовский не выгнал его с работы. Но видно два счастливых случая, это уже перебор в его непутевой судьбе. И третьего уже не будет. А иначе как расценить тот факт, что, проснувшись утром и с трудом разодрав веки, он увидел в спальне ментов, а у себя под одеялом короткоствольный автомат. Как и зачем этот автомат очутился в его кровати, Валера не знал. Голову был готов дать на отсечение, что к оружию, найденному у него, он не имеет никакого отношения. Но что ментам до его клятвенных заверений. Не верят они ему.

На первом же допросе, майор Туманов показал Валерию письменное заключение экспертизы, из которого значилось, что Леонид Степанович Розовский застрелен из автомата, который опера нашли у него в постели.

Застрелен! В голове у Валерия не укладывалось, как такое могло случиться. Ведь не виновен он. Но как это доказать ментам, когда, по утверждению майора Туманова, улики говорят об обратном.

В следственном изоляторе, Валерия поместили в малогабаритную одиночку. В интересах дела решено было исключить все контакты с сокамерниками. От одиночества тоска глодала душу так, что хотелось волком выть. Путным словом не с кем обмолвиться. Надзиратели народ такой, что с ними много не поговоришь. Лица у всех них разные, а глаза одинаковые, как у псов, что лают во дворе тюрьмы. Злые глаза. И не только в течение дня в амбразуру в двери эти глаза наблюдают за ним, но даже и ночью подглядывают.

И Валерий возненавидел их всех. Кроме одного. Прапорщик Глебов, мужик с понятием не то, что остальные. Когда его дежурство, зайдет он к Валерию на несколько минут в камеру, за жизнь поговорить. Покурить даст. Не жмот он, а мужик с сочувствием, хоть и при исполнении. Кажется, он один только и понимает, что Валерий не убийца, а жертва обстоятельств.

– Понимаешь, я в тот вечер поддал немного. Тоже ведь устаешь от руля. Покрути баранку с утра до вечера. Вечером отвез шефа домой. Потом в офис заехал. Секретарша у

шефа, классная девочка. У меня давно на нее член стоял. Подружка моя как раз на сутках была. Квартира свободная. Ну, думаю, привезу ее на ночь, отдеру как следует. А секретутка эта, сучка, заупрямилась. Оказывается у нее в этот вечер уже свидание назначено.

– Выходит, опоздал ты, – с сочувствием спросил прапор Глебов, оставив дверь камеры на всякий случай открытой, если дежурный пойдет, чтоб вовремя увидеть его. Если узнает он о том, что надзиратель панибратство с подследственным разводит, не поздоровится тогда Глебову. Поэтому, он тоже по своему рискует. А из-за доброты своей пострадать может и еще как.

– Опоздал, – соглашаясь с Глебовым, кивнул Валера, припоминая, что в тот вечер было дальше. – Ну посидели мы с секретуткой, кофейка попили, потом она попросила меня отвезти ее к метро «Университет». Там ее хахаль ждал.

– Ничего мужик-то? Ты его в лицо-то видел? – как бы, между прочим, полюбопытствовал Глебов.

– Я близко подъезжать не стал. А издали он так, ничего в нем особенного нету. Не пойму, Юлька такая фартовая девочка, и чего она в нем нашла, – с удивлением проговорил Валера. Глебов и в этом ему посочувствовал:

– Женщин никогда не поймешь, чего им нужно. Значит, ты этой секретутке так болт и не вставил?

Валера разочарованно помотал головой.

– И не только ей. Прямо какая-то невезуха выпала. Моя подружка на работе, а шишка чешется. Поехал к ресторану «Огни Москвы». Я там частенько ужинаю. Уж больно место там романтическое. На берегу Москвы-реки. Сидишь, кушаешь и смотришь, как мимо по реке катера прогулочные плавают. И девок там всегда полно. Но в этот вечер, как назло, ни одной. Всех уже расхватали. В общем, я остался в полете. Выпил грамм сто пятьдесят коньяку, поужинал и поехал домой к подружке. Я сейчас у нее живу. Чтоб со скуки не умереть, еще с собой бутылку коньяка прихватил. Только раздавил ее, слышу звонок в дверь. Парень какой-то пришел. Чего-то говорит мне, а у меня все перед глазами, как в тумане. Одним словом, чувствую, что вырубаюсь. Не помню даже, как за ним дверь закрывал. А утром меня уже менты будят и говорят, будто я своего шефа убил. Представляешь? А я даже не ездил за ним. Проспал.

– А может, ты не помнишь, как его?.. – спросил Глебов. Валера даже засмеялся, настолько вопрос ему показался глупым.

– Вот и менты на это дают. Будто я был так сильно пьян, что ничего не помню. Но дело тут все в другом. Чем хочешь готов поклясться, что меня подставили. Ты мне веришь? – с мольбой обратился Валера к прапору надзирателю Глебову.

Тот пожал плечами.

– Я не следователь. Наше дело охранять таких, как ты. А их, копать в ваших делах. Только скажу тебе как на духу, пятнадцать лет тут работаю. За эти годы нагляделся всякого. И могу сказать, просто так, сюда никто не попадает. В чем-то человек да совершает ошибку. Пусть и маленькую. Есть в человеке изъян. Червоточинка. Вот она и доводит до тюрьмы. Ты ведь тоже не так прост, – с прищуром посмотрел Глебов на Валеру и, улыбнувшись, пригрозил пальцем. – Тоже, небось, кое-что не договариваешь.

Оставшись один, Валера плюхнулся на шконку и, подложив руки под голову, стал водить глазами по потолку.

Кто-то из тюремных философов, побывавших тут до него, карандашом корявыми буквами написал на потолке: «Твой грех, живет в тебе. Хочешь избавиться от него, вспомни, что с тобой было вчера».

Валера призадумался. Ничто так не обостряет мысль, как тюрьма. Даже там, в кабинете следователя, он не мог собраться с мыслями, сосредоточиться, как тут, в тюрьме. В этой постылой одиночной камере.

Спрыгнув со шконки, он подскочил к двери и со всей силы стал колотить в нее, прежде, чем услышал неторопливые шаги прапорщика Глебова.

Щелкнул замок. Потом с неприятным скрежетом, отодвинулась задвижка и в окно заглянула широченная физиономия прапорщика.

– Чего ты? – с недовольством спросил Глебов, гоня во рту жевачку.

Валера почувствовал от прапора запах спиртного. Ручаться не мог, но, кажется, поднял он Глебова из-за стола. Вон у того и на усах остались хлебные крошки, которые он второпях даже не успел, как следует смахнуть.

– Мне срочно надо увидеться с майором Тумановым, – заторопился Валера.

Прапорщик от удивления сдвинул пилотку на затылок.

– С майором Тумановым? – переспросил он, потом глянул на часы. – Вряд ли майор сидит и дожидается, когда я ему позвоню. Время восемь часов вечера. Твой Туманов, поди уж дома. Женку прижимает. А зачем он тебе так срочно понадобился? – осведомился прапорщик, принимая вдруг возникшее желание подследственного за обыкновенную блажь. Наскучило парню торчать тут одному, вот и решил с майором побалакать.

– Позвони, Глебов, – взмолился Валера. – Будь человеком. Я тут кое-что вспомнил, что майора заинтересует. Это очень важно. Понимаешь? Для меня.

– И чего ж ты такого, особенного вспомнил? – усмехнулся Глебов, хотя у самого глаза отражали довольно серьезный настрой.

– Есть кое-что такое, что докажет мою невиновность. Меня подставили. И я догадываюсь, кто. Позвони, Глебов. Прошу тебя, – настойчиво добивался своего Валера, чувствуя, что прапорщик в глубоком раздумье. – Ну что тебе стоит? Майор Туманов сам мне говорил, что готов выслушать меня хоть днем, хоть ночью, если я вспомню что-нибудь существенное. А я вспомнил.

– Ну ладно, – с неохотой согласился прапорщик, убирая свою широкую харю из окошка, тут же закрыв его.

Отойдя в дальний конец коридора, прапорщик Глебов достал из кармана сотовый, набрал номер и, услышав знакомый голос, заговорил тихонько:

– Это я. Есть новости, – выждав паузу, во время которой прослушал ответ, он продолжил: – Тот водитель, за которым ты просил присмотреть, кажется, что-то вспомнил. Я не знаю, почему у него освежилась память, но он просится на аудиенцию с майором Тумановым. Вот почему я и звоню тебе, – сказав это, прапорщик Глебов замолчал, бросая настороженный взгляд в коридор.

Не желательно бы вести здесь такие разговоры. Говорят, у стен есть уши. А у тюремных стен тем более. Не услышал бы кто. Рисковать приходиться за долю малую. Сколько жил, никогда не думал, что станет работать на бандюков. Презирал их всегда и ненавидел. Давил в меру возможности. А вот вышло так, что спутался с мафией. Беспредельщиками, для которых нет в жизни ничего святого. И все из-за проклятых денег, на которые польстился он.

Выслушав все, о чем ему говорил человек, которому он позвонил, Глебов вдруг побелел лицом, почувствовав себя нехорошо.

– Послушай, мы ведь так не договаривались. Вы просили поставлять вам нужную информацию. Я поставлял. Но такие дела... Может вы как-то сами, без меня? – вкрадчиво поинтересовался Глебов и услышав в трубке сотового частые гудки, сказал обиженно: – Вот, сволочь! Кем он себя возомнил? Даже поговорить по-человечески не хочет.

От расстройства он долго топтался на месте, словно позабыв, зачем вообще приходил сюда. И даже выкуренная наспех сигарета, не помогла успокоиться. А, докурив ее, он

устало побрел по коридору к двери камеры, где с нетерпением ждал его возвращения Валерий Ищенко.

Все также опять щелкнул замок. Со скрежетом отодвинулась щеколда. И опять также в окошке в двери, показалось усатое раскормленное лицо прапорщика Глебова. С ответом он не торопился, и Валера не выдержал.

– Ну? – нетерпеливо спросил он прапорщика.

– Хер гну, – с недовольством ответил прапор, помолчал самую малость, потом добавил, не меняя недовольного тона: – Позвонил я. Нет твоего майора на месте. Я ж говорил тебе, он, небось, уже жену пялит, а ты тут беспокоишься о нем. Меня беспокоишь, – проговорил он сердито.

– Да не о нем я беспокоюсь, а о себе. Срок мне светит приличный. И ни один адвокат не поможет, если я сам себе не помогу. А я тут такое вспомнил, что поможет снять с меня вину. Ты еще ему позвони. Ладно? Домой позвони, – попросил Валера.

Глебов нахмурился.

– Вот только ночи подожду. Ты думаешь, если тебе придурку не спится, значит и другие не спят, – он уже хотел закрыть окно, но Валера подскочил, вцепился в дверку руками.

– Глебов, выручай. У меня двадцать штук «зелени» есть, на квартире лежат за батареей в тряпке. Выйду и они твои. Обещаю. Только позвони майору, – попросил Валера.

Прапорщик Глебов задумчиво хмыкнул.

– Видно ты и впрямь вспомнил что-то важное, – улыбнулся он и пообещал раздобревать: – Ладно. Позвоню. Но смотри, насчет баксов не обмани меня.

Когда окно закрылось, Валера с ногами залез на шконку и, не зная, чем бы еще занять свои мозги, подумал о том, что двадцать тысяч долларов за один звонок прапорщику будет многовато. Но главное, пообещать, чтоб прапор купился. От щедрот душевных он Глебову отстегнет пару штук. А оставшиеся восемнадцать тысяч предложит майору Туманову, чтоб выпустил его отсюда под залог.

Потом он стал думать о своей подружке Алле, считая встречу с ней, роковой. Ведь это она, сучка, втюхала его шофером к Розовскому. С ней у него будет еще время потолковать, когда он окажется на свободе. Ненасытная тварь. Ей только одно подавай. Еще не родился такой жеребец, который бы сполна удовлетворил ее. Этой дуре на память, Валера подарит вибратор.

Вдруг он услышал, как в двери щелкнул замок. Но не так, как днем. На этот раз поворот ключа надзирателя был настолько тихим, как если бы это делал домушник, перепутавший дверь камеры с дверью квартиры миллионера, у которого установлена сигнализация. Даже задвижка на этот раз отползла без всякого скрежета.

Дверь медленно открылась, и в проеме показалась широченная морда прапорщика Глебова. На этот раз водкой от него разило так, что Валере показалось, будто в камеру на пол вылили ведро неразбавленного спирта.

– Не спишь? – тихо промурлыкал прапор, входя в камеру.

Что-то в его поведении Валере показалось подозрительным. По крайней мере, взгляд почему-то сейчас у Глебова не такой, как обычно. Но может, устал он бедолага. Все-таки, ночь. Да и судя по всему, перебрал он лишнего.

– Не спится, – ответил Валера, пытаясь понять, с какими новостями пожаловал к нему в «камеру» надзиратель. И так и поняв, спросил:

– Ну ты звонил?

Прапорщик, улыбнувшись во весь рот, охотно кивнул.

– Звонил, – сказал он и тут же добавил: – И знаешь, что он мне сказал?

Валера и предположить не мог, что прапорщику сказал майор Туманов. Но сейчас даже одно то, что Глебов все-таки дозвонился, уже обрадовало Валеру. И он нетерпеливо попросил:

– Ну, говори ты, не тяни. Что сказал Туманов?

Глебов плюхнулся рядом на шконку.

– Обещание свое помнишь, насчет денег? – напомнил он Валере.

– Да помню, помню, – поспешил Валера заверить прапора, тут же подумав про себя, что и пару штук с него многовато будет. Издевается, гад. Сказал бы сразу и все. За это Валера ему даст не две, а тысячу баксов.

– Плакали твои денежки, добрый молодец. А майор Туманов сказал, что сейчас ночь. Завтра с утра он встретится с тобой. Выслушает, что ты там накопал в закромах своей памяти. Хотя и недоволен он был, что я потревожил его. Почему, говорит этот, сукин сын, сразу ничего не говорил.

Валера улыбнулся, впервые почувствовав себя уверенной. Даже какое-то необъяснимое спокойствие появилось на душе. Будто все, что происходящее, уже перестало его касаться. И он удивился даже. Разве так может быть, когда вопрос стоит о его собственной судьбе? Оказывается, может.

– Завтра. Все завтра. А сегодня давай выпьем? – предложил Глебов и потряс в руке металлической флягой темно-зеленого цвета, на которую Валера только сейчас обратил внимание. Судя по всему, во фляге была водка. Или спирт. Валера точно не знал. Но от предложения выпить за удачный исход завтрашней встречи не отказался. Да и не часто бывает такое, чтоб за здорово живешь, надзиратель тебя водочкой угостил. Нет, что ни говори, а этот прапор Глебов свой мужик, в доску.

– А ну-ка, возьми кружку со стола, – сказал Глебов, кивнув на маленький столик, на котором одиноко стояла помятая железная кружка, побывавшая в сотнях рук, таких же горемык, как Валера.

– Давай, – проговорил Валера и, не слезая со шконки, потянулся к столу. Он не обратил внимания на то, с каким проворством прапор Глебов, стянул со своей головы пилотку и вложил в нее металлическую флягу.

Протянутая к столу рука, рухнула вниз, когда прапорщик Глебов не сильно, но очень точно ударил флягой, завернутой в пилотку, Валеру в правый висок. Не давая телу упасть на пол, прапорщик быстро подхватил его, возвращая обратно на шконку. Прислушался, тихо ли в коридоре. Для большей убедительности даже, выглянул. Вдруг кто-то подследит из своих. Но в коридоре было тихо. А главное, не души. И Глебов вернулся в камеру. Посмотрел на Валеру. Не сомневался, что парень был жив. Удар был рассчитан так, чтобы только отключить подследственного. А дальше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.